

ШОКИРУЮЩАЯ
ИСТОРИЯ

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ

КАНИ-

БАЛИЗ-

МА

Лев Дмитриевич Каневский
История каннибализма и
человеческих жертвоприношений
Серия «Шокирующая история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18393386

История каннибализма и человеческих жертвоприношений. / Каневский Л.: Алгоритм; Москва;

2014

ISBN 978-5-4438-0664-8

Аннотация

В 1564 г. турки одержали верх над польским военачальником Вишневецким. Они вырвали из его груди сердце и съели его. В XVI веке во многих европейских странах палачи получали право распоряжаться не только кровью, но частями тела своих жертв и употреблять их по своему усмотрению. Даже в XIX веке китайский палач вполне мог съесть сердце или мозги своей жертвы. Каковы же причины каннибализма, почему он, как правило, связан с религиозными человеческими жертвоприношениями? Какова суть этого тщательно разработанного ритуала, бытовавшего во многих странах мира, – от обеих Америк, Африки и Индии до Индонезии, Малайзии, Полинезии, Новой Гвинеи, Австралии и островов Океании? Почему в наши дни даже в цивилизованных странах отмечаются отдельные случаи каннибализма? Ответы на эти и многие другие вопросы, которые до сих пор считались необъяснимой тайной, вы найдете в этой увлекательной книге.

Содержание

Вступление	4
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лев Каневский

История каннибализма и человеческих жертвоприношений

Вступление

Читатели могут спросить меня: какую цель я преследовал, когда писал книгу на такую тему, как каннибализм? Ответ на этот вопрос, однако, довольно прост – слишком мало научных исследований на европейских языках посвящено этому. На свои запросы в Королевский антропологический институт Великобритании и Северной Ирландии я получил такой исчерпывающий ответ: «Нам ничего не известно о существовании вразумительной научной работы по проблеме каннибализма. Материалы на эту тему, к сожалению, разбросаны по многим книгам и периодическим изданиям». На мои просьбы об оказании помощи от Британского музея пришел такой ответ: на полках этой уникальной библиотеки с книжным фондом более 8 000 000 томов, которые, если поместить их один за другим, покроют расстояние в восемьдесят миль, нет ни одной работы, посвященной такой обширной области антропологии, как каннибализм и человеческие жертвоприношения. В этом отношении отличились только немцы, но переводов этих книг на английский язык мне обнаружить не удалось. Поэтому в конечном итоге я решил заполнить этот зияющий пробел.

По своей природе человек – животное плотоядное. Он ест мясо. Либо в силу врожденного инстинкта, установившейся традиции, либо в силу собственного выбора около трех миллиардов населения Земли – мясоеды. В какой-то мере это не может не вызывать удивления – ведь в любой временной период потребление мяса значительно уступает общему объему потребления растительной пищи – овощей, корневым, трав и т. д. Более того, совсем немногие овощи являются несъедобными как для человека, так и для животных.

На Земле едва ли найдутся виды живых существ, которых бы не попробовал человек. Можно даже сделать некий кулинарный экскурс. Мы поедаем бифштексы, бараньи отбивные, телячьи мозги, коровьи языки, бекон и ветчину, не говоря уже о многочисленных деликатесах из мяса диких животных – кенгуру, обезьяны и медведя. Как писал Редьярд Киплинг в своем «Благородном и щедром ките», человек ест все: «Морских звезд и морских щук, камбалу, ската и его родню, скумбрию и извивающегося угря». Не избежал этого и сам кит – китовое мясо употребляют во всем мире, не говоря уже о дарах моря – многочисленных головоногих и моллюсках, которым от рода более 200 миллионов лет, чего, скорее всего, не знает рядовой потребитель.

Можно по пальцам перечислить тех птиц, которые не попались в силки или не были убиты из ружья, сварены и съедены, – от страуса эму до жаворонка и канарейки. На самом деле страсть человека к плоти, к мясу настолько неудержима, что он исследовал возможности употребления куда меньших по размерам существ и обнаружил, что попал на такую территорию, население которой по своему разнообразию многократно превосходит все его потребности.

Хорошо известно, что Иоанн Креститель выжил в безводной пустыне, питаясь исключительно саранчой и медом диких пчел. Он, однако, не был в этом первопроходцем – задолго до него миллионы людей на протяжении многих веков считали саранчу вполне пригодной в пищу, некоторые даже причисляли ее к изысканным деликатесам. Сто лет назад у королевы Мадагаскара Раваналоны был даже особый отряд слуг, которые ловили на полях саранчу, чтобы монаршая особа с высокими гостями в своем королевском дворце в Тананариве могла

насладиться этим экзотическим яством. За три тысячи лет до этого царь Ассурбанипал в Ниневии угощал своих сотрапезников саранчой, зажаренной на палочках, и те с удовольствием поедали ее, как мы сегодня едим сосиски гриль или приготовленный на углях шашлык.

Для подавляющего большинства людей, живущих в странах, где водится саранча, она составляет значительную часть их повседневного рациона. В Танганьике, например, у саранчи удаляют крылышки и ножки, а тельце жарят на сковородке или варят в масле. Кроме того, из сушеной саранчи готовят аппетитную кашу. В Северной Африке более эрудированные гурманы смешивают саранчу с мускатным орехом, добавляют соль и перец и из этой смеси варят суп. По вкусу жареную саранчу часто сравнивают с креветками, вареным яичным желтком, лесным орехом, мясом раков и даже черной икрой!

Но не только одну саранчу обнаружил человек на этой новой, малоизученной пока, обширной территории. В Конго жареные термиты продаются корзинами. Один известный английский дипломат, отведав жаренных в масле термитов, заявил, что ничего более восхитительного не едал. Другой сообщил, что местные жители сушат термитов, считающихся деликатесом, в железных горшочках, в которых жарят зерна кофе.

Муравьи тоже широко ценятся среди знатоков изысканной пищи, особенно так называемые «сахарные муравьи», распространенные в Центральной Австралии. Муравьи выбирают из своего числа только нескольких собратьев, которых все насильственно принимают кормить, пока у тех не распухает брюшко, достигая размеров ягоды крыжовника. В их желудочке в основном находятся выжимки из различных растений, росяной мед некоторых растений. Когда австралийцы находят этих «избранников», они тут же хватают их пальцами за голову и высасывают содержимое желудочка досуха. Если поинтересоваться, что они при этом испытывают, то вам ответят: вкус резко контрастный – вначале это что-то вроде муравьиной кислоты, а потом, когда лопается мембрана, рот наполняется сладчайшим нежным медом.

В таких странах, как Индонезия, Малайзия, Мадагаскар и Конго, замечательным деликатесом считается пальмовый червь, который обитает в мягкой сердцевине пальмового дерева, и, по словам одного французского гурмана, «его по вкусу можно сравнить с куском жира каплуна, завернутым в нежную, прозрачную кожицу». Пальмовых червей в 2,5 см толщиной и длиной 5 см обычно готовят на слабом огне. Как следует разогрев, их посыпают хлебными крошками, перцем, молотым мускатным орехом, а перед употреблением непременно поливают апельсиновым или лимонным соком. Некоторые гурманы предпочитают есть их сырыми, а другие – зажаренными в масле.

К саранче, термитам, муравьям и пальмовым червям следует добавить гусениц и пауков, стрекоз, жуков и бабочек. Все они – лишь небольшая часть огромного класса насекомых, пищевые ресурсы которого неисчерпаемы. В этот список можно внести растительную тлю и личинки ос. Один из специалистов около ста лет назад привел довольно интересное меню, которое хозяин составил для своего дорогого гостя, решив угостить его необычным деликатесом. Оно включало соус из лесных вшей, жареную камбалу, соус из жуков-щелкунов с бараниной, хрущей под соусом из куркумового корня, цветную капусту с гусеницами, а также моль к вину. Теперь это не назовешь экзотикой – жареных ос, например, регулярно подают к столу на обед в самых фешенебельных нью-йоркских ресторанах!

Но одно из блюд входило в совершенно иную категорию, и о нем мы до сих пор не упоминали. Но и его также следует включить в список, чтобы завершить любопытный каталог разнообразных мясных яств: речь идет о человеческой плоти.

Существует великое множество свидетельств того, что в самую далекую эпоху доисторический человек поедал мясо своих соплеменников. В 1927 году в китайской деревне Чукутен, в сорока километрах от Пекина, был найден зуб, и анатом Дэвидсон Блэк устано-

вил, что он принадлежал человеческому существу, близкому родственнику *Pithecantropus erectus*. До этого один голландский ученый обнаружил на Яве человека-обезьяну. В результате проведенных позднее раскопок были найдены кости и черепа около сорока современников *Pithecantropus pekinensis* Блэка вместе с образцами их оружия и инструментов.

Обгоревшие кости в очагах давали представление о методах приготовления пищи примитивным человеком. Некоторые из черепов были весьма странным образом вскрыты, из них был извлечен мозг, который был, по-видимому, съеден. Если этот первобытный пекинский человек был каннибалом, чему немало свидетельств, то его можно назвать просто гурманом. Но ведь и пекинский человек, и человек-обезьяна с острова Ява жили почти 500 000 лет назад!

Неандерталец, живший в Центральной Европе около 220 000 лет назад, несомненно, был людоедом. Свидетельства раннего каннибализма можно обнаружить в пещерах и скалистых расщелинах французской провинции Дордонь, особенно в пещере Ле Мустье, давшей название так называемой мустьерской культуре, а также на древней стоянке первобытных людей в Хорватии в местечке Крапина. Человек-кроманьонец (от названия грота в Кроманьон во Франции), живший 75 000 лет назад, которого впервые ученые назвали «хомо сапиенс», иногда тоже лакомился мясом своих соплеменников, если судить по свидетельствам, обнаруженным в пещере Ориньяк возле Тулузы, откуда и происходит термин «ориньякская культура».

Человек эпохи мезолита и неолита, исторического периода от 10 000 до 2000 года до н. э., также придерживался традиции своих предков. Об этом говорят кости и черепа, обнаруженные в Швейцарии и других странах. Позже, на закате бронзового века, когда человек впервые приступил к обработке металла, он тоже время от времени поедал человеческую плоть. Доказательства этому можно найти в Австрии и других европейских странах.

Греческий историк Геродот, живший в V веке до н. э., в своих сочинениях описывал людоедскую практику среди обитателей острова Исса у побережья Далмации и у племен скифов-массагетов, включающую преднамеренное убийство стариков своего племени с целью употребления их мяса в пищу. Другой греческий историк, Страбон (64–63 г. до н. э. – 23–24 г. н. э.), за несколько лет до рождения Христа без всяких колебаний заявлял, что употребление в пищу человеческой плоти было весьма распространенным явлением в Ирландии, а святой Иероним четыре столетия спустя сообщал в своих трудах о существовании подобной практики в Шотландии, где разбойники, промышлявшие на границе, еще и пили кровь побежденных врагов. Во время войны между испанцами и арабами в IX веке испанки, разрезав на части, съели арабского вождя Саувара за то, что он уничтожил всех их мужчин. В конце XIII века семнадцатилетний юноша по имени Марко Поло (1254–1324 гг.) отправился из родной Венеции в далекое путешествие, которое продолжалось целых двадцать четыре года. Он посетил Дальний Восток и, в частности, Китай. Поло и вслед за ним другие путешественники подтвердили, что действительно во многих китайских и тибетских племенах люди поедали мясо своих соплеменников.

В 1564 году турки одержали верх над польским военачальником Вишневецким. Они вырвали у него из груди сердце и съели его. В XVI веке во многих европейских странах палачи получали право распоряжаться не только кровью, но и частями тела своих жертв и употреблять их по своему усмотрению. Богемское племя «зингаров», по словам его вождя, сохранило традицию поедать человеческое мясо даже в XVIII веке, причем особыми деликатесами считались сырые или зажаренные уши, ладони рук, подошвы и икры ног и щеки. Вождь получал особую привилегию – он отрубал своим пленникам голову и пил еще теплую кровь, струящуюся из вен и артерий. Даже в XIX веке китайский палач вполне мог съесть сердце или мозги своей жертвы.

Все эти сведения, конечно, получены большей частью из сочинений древних историков, от путешественников, которые привозили с собой из дальних стран эти диковинные рассказы, от солдат, которым пришлось воевать на чужбине. К ним можно добавить случаи поедания человеческой плоти из-за сильного голода в осажденных противником городах или при кораблекрушениях. Подобные примеры можно приводить бесконечно, и большая их часть вполне достоверна. Лишь сравнительно недавно ученые начали глубоко изучать этот вопрос, анализировать существующие доказательства с научной точки зрения.

Во многих случаях этим занимались сами путешественники. Они пользовались в своих изысканиях сведениями, предоставляемыми другими путешественниками, побывавшими в разных странах мира, а также рассказами миссионеров, которых где только не встретишь. Исследователи Черного континента – Африки – или южноамериканских джунглей, островов Полинезии и Меланезии, ученые, изучающие фольклор, сумевшие овладеть местным языком или наречием, записывали истории и легенды примитивных народов, таких, например, как индейцы квакиутль, живущие на северном побережье Тихого океана.

В результате в XIX и XX веках было собрано огромное количество информации, которое прежде всего поражает разнообразием добытых сведений. За исключением Европы вследствие установления там общепринятого социального порядка, как выяснилось, практика употребления в пищу человеческого мяса существовала во всех частях света.

В Конго, например, рабов специально усиленно кормили, чтобы они выглядели наиболее упитанными – они тогда дороже стоили на невольничьих рынках. В Нигерии тела жертв расчленялись во время торжественных церемоний, а куски их мяса поглощались на местах поклонения. На островах Фиджи в Океании вожди племен перед тем, как приступить к людоедскому пиршеству, стриглись наголо. Молодые матери племени шавантес в Уругвае часто съедали нескольких из своих многочисленных детей. В Западной Африке существовала особая секта, получившая название «Общество леопарда». Ее члены, одетые в шкуры леопарда, охотились на людей. Нагоняя их, перегрызали им горло, а потом во время торжественной церемонии съедали.

В некоторых районах Австралии перед поеданием коптели своих жертв. Кое-где существовал обычай оставлять тела для гниения, а потом любители тухлинки лакомились ими. В других южноамериканских племенах трупы сжигались, их прах смешивался со специальной жидкостью, которую выпивали. Отдельные африканские племена продавали трупы своих соплеменников в соседние поселения, которые страдали от недостатка пищи. В одном южноамериканском племени детей вскармливали мясом плененных женщин, и такие припасы постоянно возобновлялись по мере необходимости. Вариаций здесь уйма.

Практика употребления в пищу человеческого мяса фактически существовала в той или иной степени повсюду в мире. От южных морей до Ванкувера, от Вест-Индии до Ист-Индии, в Полинезии, Меланезии, Австралии и Новой Зеландии, Северной, Восточной, Западной и Центральной Африке, на всей территории Южной Америки – повсюду можно обнаружить свидетельства каннибализма даже в наши дни.

Антропологи старой школы использовали для обозначения подобной практики людоедства термин «антропофагия», греческое составное слово – *anthropos* («человек») и *phagein* («есть», «потреблять»). Но гораздо более известен термин «каннибализм». Это измененное слово *canib* – так называлось одно индейское племя, в котором испанские конкистадоры впервые наблюдали подобный странный обычай. На эту тему за последние сто лет было немало написано различными антропологами, особенно американскими. Может, из-за обилия материала их теории сильно отличаются друг от друга, но все равно вызывают большой интерес. Вот, например, что писал по этому поводу американский антрополог доктор Спайер: «Примитивные люди в своем мышлении так часто объединяли людей с животными, что, по-видимому, человеческое мясо для них не очень сильно отличалось от других продук-

тов питания. Вероятно, в те времена не существовало инстинктивного отвращения к нему. Ужас перед подобной практикой, вызываемый как у цивилизованных, так и у некоторых примитивных народов, объяснялся скорее условностями, такими, например, как отвращение к пище, считающейся неортодоксальной, нечистой, непригодной для потребления, что, например, наблюдается в семитских племенах, которые не едят свинины. Подобное отвращение – это глубокое эмоциональное состояние, не продиктованное никакой биологической необходимостью».

С другой стороны, доктор Эрик Миллер с не меньшей достоверностью говорит о диаметрально противоположном: «Если такой обычай возник в определенном регионе из-за голода или же диетических потребностей, для преодоления инстинктивного отвращения к каннибализму и его превращения в обычную практику требовался какой-то дополнительный стимул идеологического либо эмоционального порядка».

Хотя доктор Миллер и указал на еще одну причину каннибализма кроме голода, на наш взгляд, существуют по крайней мере два или даже три взаимосвязанных мотива, определяющих его существование: диетический, магический и религиозный.

Если говорить в широком смысле, то все антропологи согласны в одном: каннибализм существует как давний аспект социальной жизни общины: в какой бы части мира она ни находилась, он обязательно проявляется в одной из своих нескольких форм: может быть связан с религиозными церемониями; может приобретать магическое значение; может быть следствием временной весьма нежелательной нехватки зерновых и овощей в повседневной диете человека, что, вполне вероятно, привело к первым единичным экспериментам с человеческой плотью как продуктом питания. Но стань он массовым, то мог бы наверняка привести к настоящей катастрофе, ибо почти повсеместно было отмечено одно поразительное явление: стоит кому-то только попробовать человеческого мяса, как у него возникает неутолимая потребность в нем, подобная постоянному сексуальному голоду, и теперь уже мясо никакого животного не может его заменить. Такое людоедское обжорство постоянно усиливается.

Первые две причины возникновения каннибализма – религия, магия и суеверия тесно связаны между собой в примитивном обществе. Однако существует и определенная связь между ними и третьим, наиболее отвратительным мотивом – неистовой страстью к человеческому мясу. Стоит только привести религиозную, магическую или какую-либо другую «важную» причину для оправдания пожирания человеческой плоти, как спрос на нее начнет стремительно расти. А спрос, как известно, порождает предложение.

Чрезвычайно интересно – если только читателю не претит патологический аспект избранной нами темы – отметить некоторые причины, побуждающие различные племена прибегать к каннибализму. Например, члены отдельных африканских и австралийских племен пожирают своих умерших родственников, считая, что это самый хороший способ захоронения. Целая группа племен на севере Тихоокеанского побережья поедала человеческое мясо на тщательно разработанных церемониях, призванных установить добрые отношения со своими богами. Племя овимбунду в Юго-Западной Африке устраивало людоедское пиршество, чтобы обеспечить тем самым удачу каравану, отправляющемуся в дальний путь.

Племя багесу в бывшей Уганде устраивало каннибальские празднества в честь недавно умерших близких, на которых съедали их трупы. Кроме того, широкое распространение повсюду получила практика поедания человеческой плоти как акта мести. Легко понять, какое огромное удовлетворение получали победители, пожирая труп поверженного врага. В Африке, особенно в южной ее части, среди племен алленга и фанге в Габоне, как и в Меланезии, победители съедали тело врага целиком либо какую-то определенную часть. В некоторых случаях человека методически расчленяли, отсекая ему то ногу, то руку, которые тут

же на глазах содрogaющейse полуживой жертвы жарили на огне и съедали. Это было проявлением самого глубокого презрения.

Племя батаков практиковало каннибализм как вид самого сурового наказания, которое назначалось за такое преступление, как измена или прелюбодеяние с женой вождя, что в их глазах было одно и то же. Здесь мы сталкиваемся с любопытным отзвуком крылатого выражения «не сыпь мне соль на раны». Близким родственникам преступника предписывалось принести достаточное количество соли и извести для обработки тела жертвы до начала ужасной трапезы. Их присутствие на церемонии было обязательным. Скорее всего, это было довольно примитивным способом избежать вражды между семьями пострадавшего и преступника, труп которого съедали также и его родственники. Кроме того, считалось, что, съев тело преступившего закон, соплеменники избавлялись навсегда от его призрака, который в противном случае мог бы постоянно возвращаться в деревню и, возможно, осуществить свое возмездие.

Гораздо более сложными и в силу этого гораздо более интересными кажутся нам религиозные божественные и магические причины возникновения каннибализма, с которыми связано множество самых разнообразных легенд, превращающихся подчас в определенного рода мифологию.

Самое главное и самое универсальное в этих религиозно-магических поверьях заключается в том, что, по убеждению этих людей, человек, который съел хотя бы часть тела другого представителя человеческой расы, приобретает те или иные его качества. Это переход «душевной субстанции», или «жизненной силы», от одного к другому, от мертвого к живому. Тот воин, который съедал сердце поверженного в битве врага, таким образом получал новую дозу отваги. А если на месте жертвы оказывался бесстрашный, доблестный воин – тем больше! Мальчиков в одном австралийском племени принуждали съесть часть трупа отца, считая, что таким образом им передавалась его воинская отвага и смелость. Это помогало стать также опытным следопытом или даже вождем.

Существует множество вариантов передачи «душевной субстанции» от мертвых к живым. Иногда выпивают кровь мертвого, лучше еще теплую. Воины как примитивных, так и более развитых племен довольствовались тем, что слизывали кровь со своего копья, поразившего насмерть врага, или же, что более утонченно, вкушали трапезу после битвы, не отмывая руки от крови. У племен маори существовал другой обычай – они съедали глаза побежденных на поле брани врагов.

Считалось, что заимствование у врага «жизненной силы» увеличивает способность к деторождению, и среди многих племен главным условием заключения брака была успешная вылазка за черепами, совершаемая женихом в одиночестве. Наиважнейший вопрос плодородия, будь то зачатие детей или сбор урожая зерна или плодов, всегда ассоциировался у примитивных племен с представлениями о крови, этой «жизненной силе». Среди них существовал обычай осыпать возвратившегося с победой из похода за черепами воина зерном. Это, по их мнению, способствовало укреплению плодovitости человека и плодородию его семени. На более приземленном уровне во многих регионах существовала несколько иная практика каннибализма. Больной человек съедал у умершего здорового соплеменника ту часть тела, которая, по его мнению, вызывала у него самого болезнь.

В племенах жумана и кобена в бассейне Амазонки, как и в индийских племенах Бихора, благоговейно поедались трупы наиболее почитаемых родственников в надежде, что к живым перейдут все их положительные качества.

В Мексике, по-видимому, священные ритуалы достигли наивысшей степени сложности. Человеческая плоть считалась единственно приемлемой для главных богов пищей. Только ею можно было умиловать их. Человеческие жертвы тщательно отбирались, и затем их рассматривали как представителей таких всемогущих богов, как Кецалкоатль и Тес-

катлипока. В ходе скрупулезно разработанных ритуальных церемоний «избранников» приносили в жертву богам, а всем присутствующим предлагали отведать кусочек их тела, чтобы тем самым причаститься к богам.

Если такие церемонии тщательно разрабатывались, то суть разнообразных табу становилась все более неясной, все более запутанной. Это неизбежно – одно табу неизменно порождает другое. Например, у некоторых племен после удачного похода с целью захвата жертв для ритуальных празднеств ближайшие родственники победоносных воинов на них не приглашались; в других, напротив, всем заправлял удачливый воин и члены его семьи. В иных случаях трапеза проходила без участия ратника или же на нее не допускались женщины и дети. Следует отметить в связи с этим, что когда, например, убивали человека из-за мести, то членов семьи, организовавших такой акт, звали на ритуальную еду. На самом деле не существует предела для извилистого мыслительного процесса так называемого «добротого дикаря». В этом мы еще не раз убедимся.

Так кто же такие каннибалы и откуда пошло это название?

Глава 1

Христофор Колумб – открыватель каннибалов

Ранним утром в пятницу, 3 августа 1492 года, в восемь часов утра у отмели Сатес, лежащей у слияния двух рек – Одьеля и Рио-Тинто, – на мелких волнах плавно покачивались озаренные кроваво-красным восходом три парусника – «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта», – которым было суждено проложить первый в истории человечества маршрут в Новый Свет и покрыть себя неувядаемой славой.

Христофор Колумб, этот энергичный, неутомимый генуэзец, был главным организатором и руководителем первой экспедиции к берегам тогда еще неизвестной Америки.

У «Санта-Марии» и «Пинты» при выходе из Палоса были паруса прямоугольной формы, а у «Ниньи» – косые. На Канарских островах Колумб распорядился заменить их на прямые, так как они были гораздо прочнее и ими было легче управлять. Со стороны эти корабли выглядели довольно величественными. Алые борта выше ватерлинии, на парусах красовались геральдические фигуры и кресты, а в торжественных случаях на мачтах поднимался королевский штандарт – внушительных размеров полотнище с гербом Кастилии и Леона, на котором в шахматном порядке располагались башни и свирепые львы. При входе в чужеземные порты и при высадке на новооткрытых землях вверх взлетал красивый вымпел с литерами «F» и «Y», инициалами главных организаторов далекого опасного путешествия к неизвестным берегам – короля Фердинанда II Арагонского и его супруги Изабеллы. На кораблях было несколько бомбард – небольших пушек, стреляющих каменными ядрами, и фальконетов – двуствольных пищалей, а на случай ближнего боя – аркебузы и арбалеты. Порохом запаслись в изрядном количестве, равно как и свинцовыми пулями.

Такие корабли, как писал Колумб, были весьма пригодны для подобного дела, то есть для великих географических открытий. Но таковыми они, разумеется, могли быть лишь в умелых руках, а вахту на них несли отличные мореходы, сведущие кормчие смело вели их к далекой Вест-Индии. Среди капитанов, конечно, выделялся Христофор Колумб, адмирал, вице-король пока еще не открытых земель, чрезвычайный посол Испании, ее Королевских Величеств, к государям Востока.

Корабли шли на запад, подгоняемые попутным резвым ветром, необычайно быстро: случалось, за сутки они пробегали по 60 лиг (около 150 морских миль).

2 октября 1492 года в два часа пополудни впередсмотрящий Родриго Бермехо прокричал капитану «Пинты» Мартину Алонсо Пинтсону: «Terra! Terra!» («Земля! Земля!»). Теперь все увидели далекий холмик на неведомом берегу. В Европе, старой Европе, только загорался день. Не спеша, лениво просыпались в своих кроватях люди, шли в храм, к ранним заутреням и мессам, но никто из жителей континента еще не ведал, что уже открыта земля Нового Света!

Это был остров Гуанахани, который адмирал в ходе торжественной церемонии переименовал, дав ему другое, христианское название – Сан-Сальвадор, остров Святого Спасителя.

По расчетам адмирала, где-то поблизости должен был находиться остров Сипанго, за которым лежала страна великого хана.

В среду, 24 октября 1492 года, адмирал, круто повернув, устремился к острову Куба. Три дня спустя перед наступлением темной тропической ночи корабли Колумба подошли к большой земле и бросили якоря у дивных берегов. В море стекала широкая бурная река, а в ее долине росли пальмы с огромными листьями и множество деревьев с неведомыми плодами. То была Куба.

Куба... Громадный остров, протянувшийся на сотни миль. Теперь адмирал не сомневался – он наконец дошел до владений великого хана. Как же эта страна не похожа на Китай, северные земли империи великого хана, – здесь совсем другой ландшафт, чем на острове Сипанго или в Индии. Сам могущественный король, по убеждению Колумба, правит страной из глубинки, лежащей в четырех днях пути от места стоянки испанских кораблей.

23 ноября 1492 года до Христофора Колумба доходят первые сведения о существовании в этих местах странных людей. Он в своем дневнике делает следующую запись: «Эти дикари называются *caniba*, их здесь все ужасно боятся, они свирепы, вооружены до зубов и пожирают каждого, кто попадает к ним на пути... Их называют *caniba*, а на Эспаньоле – *sakib*. Это настоящие сорвиголовы, они здесь бродят по многим островам и поедают всех людей, которые подвернутся им под руку...».

Таким образом, слово «каннибал» происходит от аравакского *caniba*, или *sakiba*, – так называли себя индейцы-карибы Малых Антильских островов, что на их языке означало «смелый», «бесстрашный».

Итак, Колумба по праву можно считать не только первооткрывателем Америки, но и человеком, открывшим слово «каннибал». В «Журнале путешествия» Бартоломе де Лас Касас под датой «воскресенье, 4 ноября 1492 года» оставляет запись, что адмирал, который несколько дней назад подошел к северным берегам острова Куба, в своем дневнике, ссылаясь на показания своих переводчиков, записал: «Там, дальше к востоку, живут одноглазые люди, а другие, с собачьими мордами, едят людей». Пока еще слова «каннибал» мы не находим. Скорее всего, эти два фантастических народа навеяны географическими античными познаниями. «Одноглазые» и «собакоголовые» включены в список чудовищных человеческих рас, который кочевал почти в неизменном виде из сочинений Плиния и Солина в трактаты святого Августина, а затем и в «Книги этимологии» Исидора Севильского. У последнего «циклопы» следуют сразу за «собакоголовыми».

Человек с собачьей головой и циклоп открывают серию из двадцати одной виньетки, выгравированной на дереве, на которых запечатлены все народы-монстры, существовавшие на Земле. Эта серия украшает «Универсальную хронику» Гартмана Цеделя, которая вышла в Нюрнберге в 1493 году. Там же приводятся имена самых важных авторитетов в этой области: *Plinius, Augustinus und Ysidorus*, то есть неразлучная тройца – Плиний, святой Августин и Исидор Севильский.

Совершенно очевидно, что Колумб с помощью своего «научного мышления» по-своему перевел на родной язык те оскорбления, которыми осыпали мирные араваки своих кровожадных соседей-людоедов. У этих чудовищ, пожирающих людей, должны быть собачьи головы – недаром об этом заявлял сам Плиний!

Интересно отметить, что в «Дневнике» Колумба слово *suposcephale* («собакоголовый») предшествует слову *connibale*. Оно впервые появляется только через несколько страниц, под датой 23 ноября 1492 года. Аналогичность контекста с записью от 4 ноября позволяет нам в каннибале видеть точный эквивалент собакоголового. По-прежнему ассоциируемые с циклопами, эти странные люди внушают всем отчаянный страх из-за их свирепого аппетита к человеческой плоти. В это время корабли Колумба находятся на широте Моа-Гранде, и адмирал продолжает свое каботажное плавание по направлению к острову Гаити. 26 ноября происходит странная метаморфоза: в силу какой-то необъяснимой телепатии *caniba*, или *caniwa*, эти люди с собачьими мордами, вдруг неожиданно отождествляются с циклопами. Две расы человеческих чудовищ, которые одна за другой появляются у Исидора Севильского и в «Хронике» Гартмана Цеделя, теперь сливаются в одну и становятся одним монстром-циклопом с собачьей мордой.

В силу эффекта простого совпадения корни слов вдруг перепутываются, вызывая взаимное проникновение друг в друга лавины образов. В слове *cannibale*, или, если быть точнее,

canibale, Колумб ошибочно распознал корень – canis (по-латыни «собака»), отсюда – циклоп с собачьей мордой. Но в понедельник, 26 ноября 1492 года, путаница усиливается. Обогащенное первым, «собачьим» корнем, слово canibale через усечение конечного звука вызывает в воображении образ великого хана Тартарии. Такая вполне понятная «аллюзия» объясняется логикой мышления Колумба, который уверен, что движется к западному побережью Азии. Кроме того, чуть позже он перепутает туземное название острова Сивао (или Гаити) с названием островов Японии Сипанго, которые он ожидает вот-вот увидеть. Поэтому адмирал, который в глубине души все же сомневался в существовании циклопов с собачьими мордами, теперь решительным образом воспринимает и вторую этимологическую аллюзию, гораздо более привлекательную для него. По его мнению, каннибалы живут во владениях великого хана. Такая запись появляется в его «Дневнике» под датой 24 декабря 1492 года.

Вдруг он осознает растущую опасность со стороны антропофагов с собачьими головами. Еще 11 декабря, когда его каравелла шла по-прежнему на восток вдоль северного побережья Эспаньолы, Колумб вновь возвращается к своей навязчивой идее, находя ответ, показавшийся ему наиболее рациональным.

«Приходится еще раз повторить то, что я уже неоднократно говорил: caniba – это не что иное, как народ великого хана, который находится где-то поблизости. У них есть свои суда, с помощью которых они захватывают людей, и так как пленники никогда назад не возвращаются, то можно считать, что их просто съедают».

Когда чуть позже ему показывают несчастного индейца, у которого не хватало «куска тела», адмирал решительно отказывается видеть в этом ужасное свидетельство чудовищной прожорливости людоедов. Отказываясь верить в каннибализм, Колумб тем не менее упрямо цепляется за это слово, так как оно, по его разумению, должно открыть ему путь к чудесам Азии. Прошел еще месяц каботажного плавания у берегов Эспаньолы, и вот 16 января 1493 года адмирал отдает приказ возвращаться на родину, в Испанию. Гипотеза о существовании великого хана, таким образом, не подтвердилась, хотя версия о людях с собачьими мордами при всей ее невероятности еще сохраняла тень правдоподобия. Как бы там ни было, но Колумбу во время первого путешествия так и не удалось встретиться с истинными «карибами-людоедами», о которых рассказывали араваки.

Ему придется столкнуться с ними только два года спустя, во время своего второго путешествия через океан, когда он, высадившись справа от острова Доминики на Малые Антильские острова, обнаружит в одной деревне на Гваделупе, покинутой незадолго до этого всем населением, нетронутые яства людоедского пиршества. Вся эта леденящая душу сцена с подробными деталями изложена в приподнято-назидательном тоне в первой из восьми «Декад» Пьетро Мартине д'Ангиера, знаменитого итальянского гуманиста, жившего при испанском королевском дворе, члена Совета обеих Индий, который в силу своих служебных обязанностей получал все материалы из первых рук для составления своей хроники Великих географических открытий. Нарисованная им картина людоедского празднества на Гваделупе – воображаемая сцена, на которой нет ни одного живого актера, – вся заполнена лишь расчлененными трупами: отрубленные руки и ноги, человеческое мясо в сосудах вперемешку с мясом попугая, только что отрезанная голова подвешена на шесте – с нее еще сочится свежая теплая кровь. Этот кошмар сыграл свою роль – он надолго обеспечил каннибалам рекламу. По всей Европе то и дело менялся их образ, и даже если в скором времени исчезла легенда об их собачьих головах, то чудовищное меню и леденящее душу застолье вряд ли могли компенсировать их столь слабую гуманизацию.

Глава 2

Агнец милосердия

Хочу надеяться, что у читателя, ознакомившегося с первой главой моей книги, не сложилось впечатления, что принесение человеческих жертв и поедание пленников было распространённым явлением только среди американских индейцев. Всего сто или даже пятьдесят лет назад в сотнях туземных общин, раскинувшихся на территории Африки, к югу от Сахары, в Юго-Восточной Азии, Малайзии, Индонезии и Океании, существовал обычай, правда, в узком масштабе, принесения в жертву пленников и распределения между присутствующими на ритуале кусочков их мертвых тел. К тому же есть все основания считать, что употребление человеческой плоти на священных празднествах было важным аспектом местных традиционных культур до возникновения государств в Месопотамии, Египте, Индии, Китае или в Европе.

Во всех этих регионах существовал ритуал принесения в жертву людей, но их довольно редко съедали. В таких авторитетных римских источниках, как труды Цезаря, Тацита и Плутарха, утверждается, что принесение в жертву пленников было широко распространённой практикой у так называемых варварских народов, живших на границах греко-римского мира. Греки и римляне периода поздней классической античности считали принесение любой человеческой жертвы делом аморальным и искренне негодовали по поводу того, что честные солдаты должны лишаться жизни ради культов, царивших у таких «нецивилизованных народов», как бритты, галлы, кельты и тевтоны. Во времена Гомера сами греки не чурались убийства небольшого числа пленников, чтобы умиловить своих богов.

Во время Троянской войны, например, ее легендарный герой Ахилл бросил в погребальный костер своего соратника Патрокла двенадцать захваченных в плен троянцев. Позже, во время крупного морского сражения при Саламине в 480 году до н. э. между греками и персами, греческий командующий Фемистокл приказал принести в жертву трех захваченных накануне персов, чтобы обеспечить себе победу. Римляне тоже прибегали к человеческим жертвам. Около 226 года до н. э. они закопали заживо двух греков и двух галлов, чтобы не дать исполниться пророчеству о том, что в скором времени галлы с греками овладеют Римом. Подобные инциденты случались и позже, в 216 и 104 гг. до н. э. Даже вымуштрованные римские войска робели при первых столкновениях с кельтами, которые шли в бой, распевая магические гимны, и, сорвав с себя все одежды, совершенно голые устремлялись на римлян. Существование кельтского культа отсеченной головы еще в доримской Европе железного века наводит на мысль, что чернокожие и индейцы в современной Америке – не единственные наследники «охотников за черепами». Воины-кельты, бросив отрубленные головы своих врагов в боевые колесницы, везли их домой, где насаживали на высокие шесты. На юге Франции кельты демонстрировали черепа в специальных нишах, вырубленных в скальном монолите. Вражеские черепа украшали кельтские горные форты и главные ворота перед их городами и поселениями. Нам известно, что человеческие жертвоприношения играли важную роль в кельтском религиозном ритуале и эта процедура осуществлялась под присмотром особой касты жрецов, получившей название друидов. Кельты предпочитали сжигать людей на кострах, для чего изготавливали плетеные корзины из ивняка в рост человека, заталкивали в нее жертву и поджигали прутья. Иногда жертв потрошили, чтобы друиды по исходящим паром внутренностям могли предсказать будущее, или их закалывали кинжалом в спину, и, после того как человек в страшной агонии умрет, по положению его скорченных членов жрецы проводили ту же процедуру. Геродот сообщает еще об одном знаменитом народе – «охотниках за черепами»: о скифах, живших в низовьях Дуная и на берегах Черного моря.

Они регулярно приносили в жертву каждого соотого из захваченных на поле брани вражеских воинов.

Как утверждает профессор Игнас Гельб из Чикагского университета, пленников часто приносили в жертву в храмах. В табличке из Лагаша, составленной около 2500 года до н. э., говорится, что тысячи вражеских трупов обычно складывались в большие пирамиды. Захваченных в плен воинов часто приносили в жертву и в Древнем Китае.

Библейский рассказ об Аврааме и его сыне Исааке указывает нам на принятие древними иудеями идеи человеческого жертвоприношения. Аврааму чудится, что он слышит, как Бог требует убить его сына, и он идет на такое убийство, и лишь в последний момент его руку с ножом отводит ангел. В жертву приносится запутавшийся в зарослях баран.

В ранних брахманских священных писаниях заметен все возрастающий интерес к человеческим жертвоприношениям. Их богиня смерти Кали удивительно похожа на кроважидных божеств ацтеков. В «Калика пурана» – «Священной книге Кали» – она представлена в виде ужасной, отвратительной женской фигуры, обвешанной гирляндами человеческих черепов, испачканной человеческой кровью, с черепом в одной руке и мечом в другой. В этой книге приводятся в мельчайших подробностях все тончайшие инструкции в отношении обряда предания людей ритуальной смерти.

Одной из самых стойких форм приношения человеческих жертв в государствах и империях Древнего мира, по-видимому, следует считать массовое убийство на похоронах вождей и императоров их жен, слуг и телохранителей. Скифы, например, убивали всех царских поваров, конюхов и слуг. Умертвляли всех прекрасных холеных лошадей вместе с юными наездниками, чтобы они могли ездить на них в потустороннем мире. Следы принесения в жертву царских слуг были обнаружены в древних египетских гробницах в Абидосе и погребениях шумерских царей в Уре. Обряд принесения в жертву слуг преследовал двойную цель. Во-первых, правитель забирал с собой в могилу весь двор, чтобы и там сохранить тот стиль, к которому привык в этой жизни. Но за этим стояла и другая, куда более прозаическая причина. Непременная смерть его жен, слуг и телохранителей после его кончины вселяла уверенность в сюзерена, что его ближайшее окружение будет ценить его жизнь дороже своей и в таком случае ничто не угрожает его безопасности, никто не осмелится организовать заговор с целью его смещения с трона. В Китае в конце II тысячелетия до н. э., вероятно, было совершено множество таких человеческих жертвоприношений. Тысячи людей убивали на каждых похоронах императора. Такой практике, наравне с принесением в жертву пленников, был положен конец во время правления в стране династии Чу (1023—257 гг. до н. э.). При династии Цинь живых людей и животных заменили глиняные изваяния. Когда в 210 году до н. э. скончался первый император объединенного Китая Цинь Шихуанди, по этому печальному случаю было изготовлено 6000 керамических статуй в натуральную величину его пехотинцев и кавалеристов на конях, которые были захоронены в подземелье размером с нынешнее футбольное поле, рядом с гробницей усопшего императора.

В таком беглом обзоре практики человеческих жертвоприношений в Старом Свете поражает одно – они очень редко сопровождались поеданием человеческой плоти. Мы не располагаем никакими, даже косвенными, доказательствами того, что существовала определенная государственная, жреческая или военная система, занимавшаяся распределением частиц человеческих тел при принесении людей в жертву. Павсаний Лидийский утверждает, что галлы под командованием Комбютиса и Орестория уничтожили все мужское население в Каллиасе, они пили их кровь и ели их плоть. Подобные обвинения выдвигались против татар и монголов, но такие сведения, скорее всего, лишь свидетельства обычных жестокостей на войне, а не этнографические описания ужасных каннибальских культов, которые, например, царили у ацтеков. Сообщения о случаях каннибализма в Египте, Индии, Китае обычно связываются либо с приготовлением экзотических блюд для пресыщенных предста-

вителей высшего общества, либо с наступлением голода, когда бедняки были просто вынуждены съедать друг друга. В Европе послеримского периода каннибализм считался тягчайшим преступлением, и на него могли отважиться только ведьмы, оборотни и вампиры.

Возвращаясь снова к проблеме каннибализма, необходимо рассмотреть ее с точки зрения теории морального прогресса. Многим из нас гораздо приятнее считать, что ацтеки так и остались каннибалами из-за того, что их нравственность находилась на очень низком уровне и определялась инстинктами, а в странах Старого Света существовало строгое табу на употребление в пищу человеческой плоти, ибо там моральный уровень населения постоянно и неуклонно возрастал с прогрессом цивилизации. Думается, что такие представления можно объяснить либо провинциальным взглядом на многие вещи, либо откровенным лицемерием. Ни запрет на каннибализм в Старом Свете, ни снижение числа человеческих жертвоприношений в нем не оказали ни малейшего влияния на скорость, с которой государства и империи в этом мире уничтожали население друг друга. Всем известно, что количество войн с доисторических времен неуклонно росло и рекордное число жертв в результате возникших военных конфликтов как раз приходится на те страны, где главенствующей является религия христианства. Горы трупов, оставленные гнить на полях сражений, ничем не отличаются от расчлененных трупов для каннибальских празднеств. Сегодня, когда еще вполне реальна угроза третьей мировой войны, нельзя свысока глядеть на примитивных ацтеков. В наш ядерный век мир выживает только потому, что каждая из враждующих сторон убеждена, что нравственные стандарты другой гораздо ниже и она не позволит себе ответить ударом на первый удар. Но те, кто переживет ядерный кошмар, не смогут даже похоронить мертвых, не говоря уже о том, чтобы есть их.

Видится два условия, определяющих издержки или выгоды каннибализма на ранней стадии формирования государства. Прежде всего, это использование вражеских солдат в качестве производителей продуктов питания, а не в качестве источника мяса как такового. Игнас Гельб, говоря о государственной эволюции в Месопотамии, указывает, что вначале мужчин убивали либо на поле боя, либо во время ритуальных церемоний и лишь пленные женщины и дети пополняли армию рабского труда. Это говорило о том, что гораздо легче поддерживать порядок среди чужестранок и их детей, чем среди недисциплинированных пленников-мужчин. Но по мере роста могущества государственного аппарата военнопленных клеймили, связывали веревками и держали в колодках. Позже их, однако, освобождали, размещали на новых землях или даже использовали для особых надобностей правителей – например, многие из них становились телохранителями, наемниками или же воинами в летучих отрядах.

Изменение статуса пленника – это главный фактор при создании второго по важности источника дешевой производительной рабочей силы в Месопотамии.

Гельб подчеркивает, что пленники в Месопотамии, Индии или Китае не были рабами, а скорее – более или менее свободными крестьянами, которых расселяли по территории всего государства. Таким государственным системам Старого Света было гораздо выгоднее использовать домашних животных для получения мяса и молока, чем плоти пленников. Сельскохозяйственные рабочие ценились куда выше «пушечного мяса». Домашние животные позволяли увеличить производство, существенно расширить производственную базу государств и империй Старого Света, достичь такого уровня экономики, который не снился древним ацтекам, во многом полагавшимся на каннибализм.

Второй аспект при подсчете издержек и выгод от каннибализма носит скорее политический, чем экономический характер, хотя в конечном итоге все сводится к поддержанию приемлемых условий жизни для все возрастающего населения, интенсификации производства и уменьшению экологического урона. Государства формировались из сельских общин в результате появления все большего числа способных руководителей, умело зани-

мавшихся экономическим перераспределением, а также благодаря ведению локальных войн. Первые короли, такие как Сигурд Щедрый, намеренно пропагандировали образ «великого кормильца», и подобным лозунгом «сильные мира сего» всегда подтверждали свое величие. Такая неслыханная щедрость в ситуации быстро растущего населения, ухудшения природных условий и среды обитания требовала вторжения на чужие территории, принятия в своих границах все большего числа крестьян. В таком случае поедание пленников означало бы лишь бездумное растранивание мужской силы, и это, конечно, было бы самой глупой стратегией для любого государства, имеющего имперские амбиции. Строительство империи нельзя облегчить обещанием, что тех, кто подчинится, «не съедят», а напротив, жизнь каждого человека только улучшится и его здоровье укрепится. Каннибализм и империя – две вещи несовместимые. Сколько раз на протяжении всей истории властители обманывали народы, пытаясь убедить их, что несправедливость при распределении огромных богатств в конечном итоге только способствует их благополучию. Но «великий кормилец» всегда воздерживался от таких заявлений, что, мол, нет особого различия между тем, кто ест, и тем, кого едят. Идея создания каннибалистского государства – это идея вечных войн с соседями, в которых людей рассматривают не иначе, как «ходячее» мясо, пригодное для вкусной похлебки. Такой выбор сделало только одно государство – государство ацтеков, но в результате оно так и не смогло достичь имперского величия и разрушилось при встрече с незнакомой цивилизацией.

Следует указать еще на одну причину проявления милосердия по отношению к пленникам. Рост могущества империй заставлял видеть в ее правителях почти божественных лиц, которые защищают слабых от злоупотреблений со стороны представителей правящего класса. «Великого кормильца» все чаще представляли как великого праведника, поборника правосудия, милосердия и защитника слабых. В этом суть всех универсальных религий в Старом Свете, религий, прославляющих любовь и милосердие. В первом известном нам законодательстве, появившемся за 1700 лет до рождения Христа, царь Вавилонии Хаммурапи провозгласил защиту слабых и угнетенных основополагающим принципом своей империи. Он называл себя «великим кормильцем», «пастырем», «распределителем несметных богатств», «гарантом полных закромов» и, наконец, «богом солнца Вавилонии, который рождает свет над его царством». Он к тому же еще «великий защитник», «разрушитель зла», «великий судья», не позволяющий сильным обижать слабого.

Точно такой же политический расчет лежит и в основе политической религии, известной нам как конфуцианство. У первых китайских императоров существовал «мозговой трест» при дворе, который разрабатывал для правителя стратегию и тактику, как ему остаться богатым и могущественным государственным деятелем и сохранить при этом за собой трон. Самыми известными советниками были Конфуций и Менций, которые без устали поучали своих повелителей, что нужно хорошо кормить свой народ, не облагать его непосильными налогами – только в этом путь к процветанию государства. Менций пошел еще дальше, заявив, что личность императора сама по себе ничего не представляет. Только тот император, который хорошо относится к народу, способен долго усидеть на троне. Так развивалась религиозная доктрина любви, милосердия и самопожертвования. У благожелательного человека нет врагов, утверждал Менций.

Глава 3

Обширное царство каннибалов

Отлично вымуштрованный отряд бездушных и беспощадных воинов-мясников, граждан той страны, в которой господствовала инквизиция, под командованием Эрнана Кортеса, прибыв в Мексику в 1519 году, состоял из бойцов далеко не слаонервных, давно привыкших к душераздирающим сценам жестокости, насилия и кровопролития. Поэтому они нисколько не удивились тому, что ацтеки постоянно приносят людей в жертву своим богам. А разве сами испанцы и другие европейцы с изощренной методичностью не раздробляли кости своих жертв на дыбе, не разрывали их на части, привязывая к четверке лошадей, разве не избавлялись от женщин, обвиненных в колдовстве, отправляя на костер?

И все же они не были до конца готовы к тому, что им предстояло увидеть в Мексике.

Нигде в мире в такой мере не процветала финансируемая государством религия, чье искусство, архитектура, различные ритуалы до последней степени были подчинены господству откровенного насилия, смерти, тлена и болезней. Нигде прежде не видели они стены больших храмов и дворцов и прилегающие к ним площади с такой потрясающей экспозицией челюстей, зубов, пальцев с длинными ногтями, рук, костей и разверстых черепов. У Кортеса и его приятеля-конкистадора Бернала Диаса не оставалось и тени сомнения по поводу религиозного значения этих вселяющих в душу ужас, искаженных лиц, вырубленных в камне. Боги ацтеков поедали людей. Они пожирали их сердца, пили их кровь. А объявленная во всеуслышание главная обязанность ацтекских жрецов состояла в бесперебойном снабжении их новыми человеческими сердцами, новой теплой кровью, чтобы не дать повода своим божествам прогневаться и нанести им непоправимый урон, навлечь на них болезнь, порчу и позволить им таким образом уничтожить весь мир.

Испанцам впервые удалось увидеть внутреннее убранство главного храма ацтеков, когда последний из ацтекских царей Монтесума пригласил их туда на экскурсию. Сам царь все еще не принял окончательного решения, что ему делать с пришельцами, – и это была ошибка, которая очень скоро станет для него роковой, – когда пригласил испанцев подняться по 114 ступеням к двум храмам-близнецам Уицилопочтли и Тлалока, сооруженным на вершине самой высокой пирамиды Теночтитлан, возведенной в центре сегодняшнего Мехико-Сити. «Когда мы поднимались по длинной и высокой лестнице, – писал в своих воспоминаниях Бернал Диас, – перед нашим взором открывались другие храмы и священные места поклонения, все они были построены из белого камня и блестели на жарком солнце. На вершине пирамиды на открытом воздухе стояли громадные валуны, на которых приносили в жертву богам несчастных индейцев. Там мы увидели большое неуклюжее изваяние, похожее на дракона, и множество других каменных фигур с жестокими, злыми лицами – сколько же крови пролилось на наших глазах в тот день! Потом Монтесума повел своих гостей полюбоваться богом Уицилопочтли. У него было широкое лицо и чудовищные, вселяющие панический страх глаза. Перед ним догорали сердца трех индейцев, которых принесли ему в жертву. Стены и пол храма были настолько густо залиты кровью, что казались черными, а во всем помещении стояла отвратительная вонь. В храме другого бога тоже все вокруг было залито кровью: и стены, и даже алтарь, стояло такое зловоние, что мы едва дождались момента, чтобы поскорее уйти оттуда».

Главным источником «пищи» для ацтекских богов были пленники, которых вели вверх по ступеням пирамиды к храмам. Там их хватали четверо жрецов, распинали на каменном алтаре и одним мощным ударом острого ножа из вулканического стекла, который им подавал пятый священнослужитель, вспарывали им грудь от плеча до плеча. Из груди несчастного

вырывали еще бьющееся сердце и тут же сжигали его на огне. Таким было жертвоприношение. Мертвые тела сбрасывали с пирамиды вниз по крутым ступеням.

Иногда таким ритуальным жертвам, особенно отличившимся в бою воинам, предоставлялась особая привилегия: они могли защищаться перед тем, как принять верную смерть. Бернардино де Саагун, величайший историк и этнограф, специалист по ацтекам, так описывал эти «потешные» бои: «...Они также умерщвляли некоторых пленников, устраивали для этого демонстрационные бои. Привязывали несчастного обреченного за талию длинной веревкой, пронизав ее через паз круглого, как мельничный жернов, камня. Это давало ему возможность более или менее свободно передвигаться по ограниченному пространству. Потом ему вручали оружие. Против будущей жертвы выходило обычно четыре воина в полном воинском снаряжении, с мечами и щитами. Они обменивались с ним яростными ударами, покуда пленник не падал, бездыханный, к их ногам...».

Вероятно, за три века до этого в государстве ацтеков и сам царь не отказывал себе в удовольствии заколоть несколько человек, избранных для жертвоприношения, собственными руками. Вот что рассказывает Диего Дуран о легендарной массовой кровавой расправе над пленниками, захваченными миутеками: «К ним подошли пятеро жрецов и пальцем указали на того, кто стоял в первом ряду... Каждого из них провожали до того места, где стоял царь, и силой заставляли его стать на камень, похожий на солнце. Потом они опрокидывали его на спину. Один из жрецов держал пленника за правую руку, второй – за левую, третий – за левую ногу, четвертый – за правую, а пятый в это время ловко привязывал его шею к камню веревкой. Теперь несчастный не мог шевельнуть и пальцем».

Царь, взмахнув ножом, вонзал его пленнику в грудь. Разрезав ее пошире, он вырывал у него сердце и поднимал его обеими руками вверх, предлагая этот дар солнцу. Когда сердце в его руках остывало, он, налив из него крови в пригоршню, разбрызгивал ее в направлении светила. Потом бросал сердце в специальную кругообразную выемку в камне».

Однако не все жертвы были пленниками. В жертву приносилось немало рабов. Кроме того, среди красивых юношей и девушек производили отбор кандидатов на исполнение ролей определенных богов и богинь. За ними с особым вниманием ухаживали в течение всего года до казни. В «Дрезденском кодексе», книге XVI века, написанной на языке ацтеков науатль, приводится рассказ об одной женщине, которой предстояло сыграть роль богини Устокуатль: «Только после того, как были заколоты все пленники, наступила очередь женщины, олицетворяющей богиню. Она была последней. К ней подошли жрецы и занимались только ею».

Закончив общение с ней, они уложили ее спиной на каменный жертвенник и крепко держали ее. Жрецы широко раздвинули ее ноги, раскинули руки, выпятили ее грудь, пригнув голову к земле. Наклонившись над жертвой, они с силой прижали к ее горлу длинный костяной, весь усеянный острыми шипами нос рыбы-меча с иглами с обеих сторон.

Палач сидя наблюдал за подготовкой. Он встал. Подойдя к жертве, он ножом распорол ее грудь. Кровь, словно закипев, забила фонтаном. Нащупав руками сердце, он вырвал его из груди, подняв его высоко, к солнцу. Это жертвоприношение предназначалось ему, их главному богу. После этого он бросил теплое еще сердце в большой зеленый каменный кувшин. Во время торжественного ритуала раздавался громкий трубный рев. Затем тело жертвы вместе с сердцем было положено на землю и накрыто дорогой мантией».

Но такие демонстрации поклонения божеству проходили довольно редко. Большинство жертв уныло тащились, еле передвигая ноги, к месту казни по ступенькам, а многих даже приходилось волочь за волосы. Их совсем не прельщала перспектива доставить радость какому-то богу.

Ацтеки, конечно, не были первыми мезоамериканцами, которые приносили людей в жертву своим богам. Известно, что толтеки и майя тоже занимались подобной практикой, и

вполне резонно можно предположить, что крутые, почти отвесные со всех сторон мезоамериканские пирамиды с плоской верхушкой как раз и предназначались для кровавого спектакля, когда людей приносили в жертву богам, чтобы «умилостивить» их. Нельзя сказать, что человеческие жертвоприношения – это изобретение государственных религий. Если судить по опыту отдельных групп людей или сельских общин, то можно сказать, что на всей территории обеих Америк, как и в других районах мира, практика человеческих жертвоприношений существовала задолго до возникновения государственных религий.

От Бразилии до Великих равнин в общинах американских индейцев существовал ритуал принесения в жертву людей. По сути дела, каждый элемент ацтекского ритуала объясняется верованиями и практикой сельских жителей. Даже «хирургическая» операция по удалению сердца имела свою историю. В племени ирокезов постоянно шла борьба за право съесть кусочек сердца бесстрашного воина, чтобы таким образом позаимствовать у него смелость и отвагу. Повсюду мужчины становились главными врагами. До того как принять смерть, их прогоняли сквозь строй, побивали камнями, избивали, поджигали, наносили увечья и подвергали другим невыносимым пыткам и насилию. Иногда их привязывали к столбу и, вручая палицу, предлагали защищаться от нападавших мучителей. Однако случалось, что несколько пленников по какой-то причине получали особую привилегию – их долго не убивали, хорошо кормили и даже предоставляли им наложниц.

Ритуальное жертвоприношение пленников в деревнях обычно сопровождалось своеобразным пиршеством, когда съедали либо весь труп жертвы, либо какую-то его часть. Благодаря свидетельству очевидца, немецкого моряка Ганца Штедена, корабль которого разбился у берегов Бразилии в начале XVI века, мы располагаем описанием того, как племя индейцев упинамба соединяло обряд жертвоприношения с каннибализмом.

В день принесения в жертву пленника, всего связанного, выволакивали на деревенскую площадь. Его тут же окружали женщины, которые его оскорбляли и всячески издевались над ним, но ему разрешалось обороняться от них. Он кидал в них фрукты и черепки от глиняной посуды. Тем временем старухи, разукрашенные черно-красными полосами, с ожерельями из человеческих зубов на шее, притаскивали украшенные орнаментом глиняные горшки, в которых будут сварены кровь жертвы и его внутренности. Церемониальная дубинка, которая использовалась для убийства, переходила у мужчин из рук в руки, чтобы «наделить их силой и помочь поймать в будущем еще не одного пленника». На главном палаче была длинная накидка из перьев, и за ним шла толпа родственников, распевая гимны и нещадно колотя в барабаны. Палач с жертвой приступали к злой пикировке, чтобы высмеять друг друга. Пленник получал определенную свободу передвижений по ограниченному пространству, чтобы уклоняться от ударов, а иногда и ему давали дубинку, чтобы он мог обороняться от нападавших на него убийц. Когда же наконец ему раскраивали череп, раздавался радостный крик и свист. Если у пленника до казни была жена из местных, то она должна была проливать слезы над убитым, а потом присоединиться ко всеобщему торжеству. Старухи отталкивали одну другую, чтобы поскорее напиться теплой крови, а детям разрешалось погружать в нее ручки. Матери смазывали кровью соски, чтобы и младенцы могли почувствовать ее вкус. Тело разрубалось на части, которые жарились на вертеле, а старухи, которым не терпелось поскорее отведать столь лакомого яства, как человеческая плоть, слизывали капающий с деревянной решетки жир.

На расстоянии десяти тысяч миль к северу почти два столетия спустя миссионеры-иезуиты собственными глазами видели подобный ритуал среди индейцев племени гуронов в Канаде, Жертвой там оказался пленник из племени ирокезов, которого они схватили вместе с четырьмя его друзьями, когда они ловили рыбу на берегу озера Онтарио. Вождь местного племени объяснил членам своего клана, что ритуал, который поручено провести ему, имеет целью умилостивить солнце и бога войны. Главное – не убивать жертву

до рассвета, поэтому для начала ему «поджарили» ноги. Кроме того, в ночь накануне казни соплеменникам запрещалось иметь половые сношения. Пленника со связанными руками, то издававшего вопли от боли, то запевавшего боевую песнь, которую он выучил еще в детстве специально для такого, возможного в будущем, случая, ввели в хижину, где на него набросилась группа индейцев с горящими головешками из древесной коры. Он в ужасе перекатылся из одного угла в другой, а тем временем мучители выламывали ему руки, разбивая кости при помощи простой мускульной силы, прокалывали ему уши острыми палочками. Когда он оказался на грани смерти, вмешался вождь, приказав прекратить пытки, – нельзя убивать его сейчас, иначе он не увидит рассвета, объяснил он. На рассвете несчастного вывели из хижины и заставили подняться на платформу, поставленную на деревянные подмости, чтобы все жители деревни получше видели, что произойдет с ним. Такие подмости возводились специально для подобных ритуалов, так как в те времена еще не существовало пирамид с плоской площадкой наверху для этой цели. Теперь мужчины приступили к пыткам жертвы. Они выжигали ему глаза, прикладывали раскаленные докрасна лезвия топоров к плечам, заталкивали горящие головешки в горло и задний проход. Когда стало ясно, что он вот-вот испустит дух, один из палачей отрубил ему руку, другой – ногу, в то же мгновение третий отсек голову, бросив ее в толпу. Кто-то, поймав ее на лету, отнес ее вождю, которому предстояло после этого организовать «празднество». В тот же день было расчленено и изжарено мертвое тело жертвы. Возвращаясь домой, миссионеры встретили одного индейца, несшего на вертеле полузажаренную руку.

Сделаем здесь небольшую паузу, чтобы обсудить подобные ритуалы, которые обычно объясняют врожденными человеческими инстинктами. Особую тревогу у меня вызывают теории, выдержанные в духе учения Фрейда, о том, что пытки, жертвоприношения и каннибализм – это следствия инстинктивного выражения либо чувства любви, либо агрессии. Например, Эли Саган заявил, что каннибализм – «это основополагающая форма человеческой агрессии», ибо он представляет собой своеобразный компромисс между любовью к жертве, проявляющейся в желании ее съесть, и ее убийством, потому что она вам досаждала. По-видимому, этим можно объяснить, почему иногда к жертвам относятся с невероятной добротой перед началом пыток – просто палачи вновь переживают отношения «любви – ненависти» со своими жертвами. Но такой подход не может объяснить одного: ведь пытки, жертвоприношения пленников не могут иметь места без наличия таковых, а откуда им взяться, если нет войн. Думается, что все теории, объясняющие войны проявлением человеческих инстинктов, не имеют под собой никакого основания и абсолютно бесполезны при объяснении интенсивности межгруппового конфликта, к тому же они весьма опасны, ибо подразумевают, что войны неизбежны. Попытки объяснить, почему вначале пленников балуют, изнеживают, потом подвергают пыткам, приносят в жертву, а потом съедают, в рамках теории конфликтующих универсальных инстинктов любви и ненависти опасны в силу тех же причин. Во-первых, их далеко не всегда балуют, пытаются, приносят в жертву, а затем съедают, и любая теория, объясняющая такой «комплекс», должна не только проанализировать, почему это происходит, но также – почему не происходит. Если подобного рода действия являются частью вооруженного конфликта, то их объяснения прежде всего следует искать в военных расходах и полученных при этом выгодах. Захват пленников – это такая операция, успех которой целиком зависит от умения нападающих избежать контрнападений или засад на пути домой с такой нелегкой обузой, как плененные враги. Если группа нападения мала, если ей приходится преодолевать значительные расстояния по территории, где противник способен нанести ответный удар, то можно очень просто расстаться со своей добычей, то есть с пленниками. При таких непредвиденных обстоятельствах можно доставить домой не всего врага целиком, а лишь часть его – для подсчета убитых врагов, что является главным при распределении социальных и материальных привилегий среди тех воинов,

которые отличились особой смелостью и отвагой в бою. Отсюда широко распространенный обычай приносить с собой только головы, скальпы, отрубленные пальцы и прочие части тела, а не живого пленника.

Когда пленника доставляют в деревню, то обращение с ним зависит в большей степени от способности его новых хозяев правильно пользоваться рабским трудом. Когда пленников немного и они появляются не так часто, то временное отношение к ним как к «дорогим гостям» не может вызывать особого удивления.

Какие бы двойственные переживания ни существовали в подсознании захватчиков, они отдают себе полный отчет в одном: пленник – это весьма ценное приобретение, ведь за него его нынешние владельцы рисковали собственной шкурой. Однако, как это часто бывает, он не находит способа влиться в новую для него племенную группу, а так как его нельзя отослать обратно, к своим, то принимается решение его убить. Даже пытка обладает своей мрачной экономикой. Если пытки, так сказать, – это способ умереть тысячу раз, то пытки одного несчастного пленника равносильны преданию смерти тысячи врагов. К тому же пытки – это еще и зрелища, развлечения, которые нравились самой широкой аудитории и получали ее полное одобрение с незапамятных времен. Я тем самым не хочу сказать, что человеку присуще получать наслаждение, наблюдая, как избивают, поджигают и расчленяют жертвы. Но вполне в духе человеческой природы особое внимание к необычным зрелищам и звукам, таким, как кровь, хлещущая из раны, громкие вопли или завывания пытаемых жертв, хотя при этом многие из нас в ужасе отворачиваются.

Дело не в том, что мы инстинктивно наслаждаемся, наблюдая за страданиями другого человека, а в том, что мы наделены способностью научиться наслаждаться этим. Осуществление на практике этой скрытой возможности играло важную роль в таких общинах, как племена тупинамба и гуронов. Существовали даже общины, в которых юношей специально обучали проявлять особую жестокость к своим врагам на поле брани. Подобные уроки усваиваются гораздо быстрее, если представить, что с тобой самим произойдет то же самое, что с этим попавшим к тебе в руки человеком. К ценности любого пленника следует добавить его живое тело, которое может стать мишенью для тренирующихся воинов, и даже его труп, так как он поможет обучению неопытных пока врачей. И здесь мы подходим к самому ритуалу убийства – жертвоприношению, чтобы умиловить, задобрить богов, к палачам с их священным и магическим снаряжением, воздержанию от половых сношений и т. д. Для того чтобы все это понять, нужно осознать, что для сельских общин, племен война – это прежде всего ритуальное убийство, вне зависимости от того, где именно враг убит: на поле сражения или дома. Отправляясь на войну, воины расписывают свои тела, украшают себя перьями и кусками ткани, вызывают души предков, принимают галлюциногенные наркотики, чтобы установить контакт со своими духами-хранителями, а также усиливают убойность своего оружия с помощью разных магических заклинаний. Враги, поверженные на поле сражения, – это тоже жертвоприношение, так как их смерть угодна предкам или богам войны, как угодны им пытки и смерть пленника. Наконец, остается проблема каннибализма – вопрос, который, когда его кто-то задает, демонстрирует полное непонимание сути происходящего. Люди могут научиться любить вкус человеческого мяса или же относиться к нему с отвращением, но как можно научить наслаждаться сценами пыток или же приходиться от них в ужас? Совершенно очевидно, что существует множество обстоятельств, при которых приобретенный вкус к человеческой плоти может найти свое место в системе мотиваций, подталкивающих общины людей к войне. Более того, съесть труп врага – это означает почерпнуть еще больше сил после его уничтожения. Теперь только требуется объяснить, почему в тех человеческих культурах, где без всяких угрызений убивают врагов, должны воздерживаться от следующего шага – съесть их. Однако это такая загадка, разрешить которую пока нам не под силу.

Если это небольшое отступление в область подсчета военных расходов и объяснений «комплекса» «пытка – жертвоприношение – каннибализм» кажется вам несколько формальным, то позвольте заверить вас, что авторы вовсе не отрицают существования двойственных психологических мотиваций, подобных тем, которые порождает «эдипов комплекс» в милитаристских обществах, прославляющих мужское превосходство. Представляется, что война вызывает противоречивые эмоции у участников и означает для них одновременно нечто совершенно различное. Во все не отрицается, что каннибализм может выражать одновременно и любовь, и ненависть к жертве, но можно решительно выступить против утверждения, что специфические образцы межгрупповой агрессии можно объяснить какими-то неясными, противоречивыми психическими элементами, смело абстрагируясь при этом от других причин, заставляющих людей воевать друг с другом, и в первую очередь таких, как природные условия, нехватка продуктов питания и белков и инстинкт продолжения рода.

Возвращаясь к рассказу об ацтеках, можно с полным правом сказать, что единственным вкладом их религии в культуру было не введение в религиозный обиход человеческих жертвоприношений, а дальнейшая разработка этого ритуала в разрушительном направлении. Прежде всего, ацтеки трансформировали человеческие жертвоприношения, превратив случайное везение на поле боя в тошнотворную рутину, когда не проходило и дня, чтобы очередную жертву не опрокидывали спиной на жертвенный камень, на алтари таких больших храмов, как храмы Уицилопочтли и Тлалока. Подобные жертвоприношения проводились и в менее крупных храмах, вплоть до небольших часовен. Одна из них – низкое, круглое, с плоской крышей строение около шести метров в диаметре – была обнаружена при прокладке метро в Мехико. Теперь она стоит за стеклом на одной из самых оживленных станций. Для любопытных пассажиров на ней вывешена табличка, на которой указывается, что древние мексиканцы были «очень религиозными людьми». Так как армии ацтеков в тысячи раз превышали боевые отряды таких племен, как уруны или тупинамбе, то, вполне естественно, они могли захватить в плен тысячи вражеских воинов только в ходе одной-единственной битвы. Кроме повседневных жертвоприношений небольшого числа пленников и рабов в стране проводились и массовые расправы над сотнями и даже тысячами жертв для празднования каких-либо особо важных событий. Испанские историки, например, сообщили, что в 1487 году во время освящения большой пирамиды Теночтитлан перед ней на расстоянии двух миль были выстроены в четыре ряда пленники для принесения их в жертву богам. Палачи, выбиваясь из сил, работали день и ночь в течение четырех суток. Демограф и историк Шеберн Кук считал, что если на каждое жертвоприношение уходило по две минуты, то общее число жертв, убитых только во время этого события, равнялось 14 100. Масштабность подобных ритуалов можно было бы считать преувеличенной, если бы не свидетельства Бернала Диаса и Андреса де Тапии, которые собственными глазами видели аккуратно сложенные в кучи тысячи черепов. Их, таким образом, можно было легко подсчитать на площадях ацтекских городов. Диас, например, пишет, что на площади города Ксокотлан «лежали горы человеческих черепов аккуратно рядами, их весьма легко можно было подсчитать, мне кажется, их там было около ста тысяч».

Тапия также рассказал, что видел множество аккуратно разложенных черепов в самом центре города Теночтитлан: «Шесты стояли друг от друга на расстоянии одной вары (приблизительно одного ядра), а на поперечных палках снизу доверху были нанизаны проткнутые у висков черепа по пяти штук на каждой поперечине; один писатель по имени Гонсало де Умбрия, подсчитав количество шестов и умножив эту цифру на пять, получил точное количество жертв – их, как выяснилось, оказалось сто тридцать шесть тысяч».

Но это еще далеко не все. Тапия еще описывает две высокие башни, сложенные целиком из человеческих черепов, скрепленных известью.

Все традиционные объяснения таких широких масштабов кровавой бойни представляют нам ацтеков как одержимых идеей, что их боги жаждут жертвенной крови, и они, оставаясь людьми глубоко верующими, отважно отправлялись на войну, чтобы исполнить свой священный долг. Сустель спрашивает: «Откуда же взялось такое обилие жертв? Ведь нужно было постоянно кормить и поить богов... Где найти столько драгоценной крови, без которой погаснет солнце, а все мироздание будет обречено на уничтожение? Поэтому было очень важно для ацтеков постоянно находиться с кем-либо в состоянии войны... Война не была просто политическим инструментом достижения целей, она превращалась прежде всего в религиозный обряд, в священную войну...». А таких священных войн в истории хоть пруд пруди! Иудеи, христиане, мусульмане, индусы, греки, египтяне, китайцы и римляне – все они отправлялись на войну, чтобы умиловить своих богов, чтобы выполнить волю Божию. И только одни ацтеки считали своим священным долгом идти на войну ради того, чтобы обеспечить своих богов достаточным количеством человеческих жертв. И хотя все остальные древние и не столь древние государства принимали активное участие в кровавой массовой бойне и совершали массовые зверства, им в голову никогда не приходила идея делать это только ради того, чтобы угодить небесным правителям, удовлетворить их ненасытное желание постоянно пить человеческую кровь. Как мы позже увидим, отнюдь не случайно боги многих древних государств предпочитали пить мед, амброзию или нектар, впрочем, они вообще не заботились о том, чем им питаться на следующий день. Ацтеки так торопились привести пленников, чтобы принести их в жертву своим богам, что зачастую даже не пытались развить успех на поле боя, опасаясь, что возьмут слишком много пленников до окончательной капитуляции. Такая странная тактика обошлась им недешево в стычках с отрядами Кортеса, которые, на взгляд ацтеков, поступали непредусмотрительно, убивая все живое, что попадало в поле их зрения.

Шерберн Кук стал первым современным антропологом, который развенчал сентиментальный подход к разгадке тайны ацтекских жертвоприношений. «Каким бы непреодолимым ни оказалось религиозное рвение, его нельзя успешно поддерживать в течение любого продолжительного отрезка времени, не принимая во внимание элементарные экономические расчеты». Кук предположил, что войны и жертвоприношения ацтеков – это лишь часть системы, регулирующей рост населения.

Он подсчитал, что общее число потерь на поле боя и в результате жертвоприношений вызывало ежегодное повышение уровня смертности на 25 процентов. «Так как население достигло почти минимума того, что могло прокормить государство... то последствия войн, как и человеческих жертвоприношений, могли оказаться достаточно эффективным фактором, сдерживающим дальнейший его рост». Хотя его теория отличается от теории его предшественников, она все-таки неверна в своей основной предпосылке. Ацтеки не могли контролировать рост населения в Мексиканской долине ни с помощью войн, ни с помощью жертвоприношений, так как в своем большинстве павшие на поле сражения и убитые в ходе жертвоприношений приводили лишь к 25-процентному увеличению уровня смертности и это были в основном мужчины. Эти 25 процентов могли легко восполниться 25-процентным повышением рождаемости. А если ацтеки хотели бы на самом деле снизить рождаемость, то они приносили бы в жертву своим богам молодых девушек, а не взрослых мужчин. Более того, если бы целью их жертвоприношений было сдерживание деторождения, то почему бы ацтекам просто не убивать своих врагов в бою, как поступают все армии мира? Объяснения, приводимые Куком, не учитывают особенности такой мезоамериканской практики. Почему ацтеки устраивали кровавые расправы на вершинах своих пирамид, а не на поле брани?

Обычные описания человеческих жертвоприношений у ацтеков заканчиваются сценой сбрасывания трупа с крутых ступеней вниз с вершины пирамиды. Зачарованный страшной картиной жертвоприношения, когда в простертых к небу руках жреца трепещет еще живое

сердце, читатель может забыть поинтересоваться, а что же происходило со сброшенным по ступеням телом? Эту проблему исследует Майкл Гарнер из «Новой школы», причем с такой рассудительностью, интеллигентностью и смелостью, что теперь мы будем в основном придерживаться его трактовки. Он один вполне заслуживает доверия за решение загадки ацтекских человеческих жертвоприношений.

Как подчеркивает Гарнер, никакой особой тайны не существует, так как все очевидцы едины в своих выводах. Любой человек, знакомый с практикой избавления от своих ритуальных жертв у таких племен, как туринамба или гуроны, и других сельских общин, тоже придет к такому заключению – их просто съедали. Приводимое Бернандино де Саагуном описание не вызывает и тени сомнения: «Вырвав сердце у жертвы и наполнив похожую на бутылку тыкву его кровью, которую забирал себе главный палач, подручные скатывали кубарем труп по крутым ступеням пирамиды. Тело оставалось лежать на небольшой площадке внизу. Через некоторое время к нему подходили старики, которых называли «кваквакильтин», и уносили его в храм своего племени, где расчленили, а потом съедали».

Де Саагун говорит об этом неоднократно: «После того как жертву убивали и вырывали из груди сердце, палачи оттащивали его к краю площадки и сбрасывали вниз по крутым ступеням. Когда труп оказывался внизу, на земле, ему отрубали голову, протыкали ее железным штырем, а потом уносили труп в дом, называемый «кальпулли», где его расчленили, готовя к употреблению.

...Они вырывали жертвам сердца, потом отрубали головы, а позже расчленили тело на куски и делили их между собой...».

Подобное описание мы встречаем и у Диего Дурана: «Вырванное сердце предлагалось солнцу, а кровью от него окропляли солнечное божество. Подражая заходу солнца, палачи сбрасывали труп с вершины пирамиды. После жертвоприношения начинался большой праздник – воины пели, танцевали и пировали, пожирая куски мяса разрезанных на части мертвых тел...».

Все эти описания уточняют некоторые детали в отношении ацтекского «комплекса»: война – жертвоприношение – каннибализм. Гарнер замечает, что у каждого пленника был свой хозяин – им мог оказаться офицер, командир отряда солдат, захватившего его в плен. Когда его доставляли в Теночтитлан, то обычно помещали во дворе дома владельца.

Нам почти ничего не известно о том, как долго его там держали и как с ним обращались, однако можно предположить, что он не испытывал нужды в кукурузных лепешках, чтобы, не дай бог, не похудел. Можно с такой же уверенностью предположить, что у старших по чину командиров обычно было под рукой несколько дюжин пленников, которых они усердно откармливали, готовя к праздничным дням или важным семейным событиям, таким как рождение, смерть или бракосочетание. По мере того как день принесения жертвы богам приближался, несчастных могли подвергать пыткам впрок – для развлечения членов семьи хозяина и его соседей. В день жертвоприношения хозяин со своими солдатами сопровождал пленника до подножия пирамиды, чтобы там наблюдать за ритуалом в компании таких же сановников, чьи пленники должны были в этот день разделить печальную судьбу. После того как у жертвы вырывали сердце, труп не просто сбрасывали с пирамиды – его скатывали по ступенькам помощники палача, чтобы он нигде не застрял по пути вниз. Старики, которых де Саагун называет «кваквакильтин», забирали тело и отвозили его на двор владельца, где его расчленили на части и готовили для употребления в пищу. Самым любимым кушаньем была мясная похлебка с перцем и помидорами. Де Саагун замечает, что они клали в мясо «цветки тыквы». По его же словам, тыкву в виде бутылки, наполненную кровью убитого, жрецы передавали законному владельцу пленника. Нам известно, что сердце помещалось в жаровню и сжигалось с горстью благовоний, но мы не знаем, сгорало ли оно дотла. Остаются и некоторые вопросы, касающиеся дальнейшей судьбы трупа и его органов и головы

с мозгами. В конечном итоге череп занимал свое место в ряду других, о чем писали Андрес де Тапия и Бернал Диас. Но так как большинство каннибалов просто обожают человеческий мозг, то можно предположить, что его извлекали либо сами жрецы, либо зрители, до того как череп оказывался на своем месте на страшной выставке. И хотя Диас утверждает, что труп обычно выбрасывался для пропитания плотоядных животных, птиц и змей в царском зоопарке, вполне можно предположить – и это подтверждает Тапия, – что служащие перед этим, конечно, сдирали с него все мясо.

Мы намеренно пристально следили за дальнейшей судьбой трупа убитой жертвы, делая это для того, чтобы доказать, что ацтекский каннибализм не был лишь церемониальным опробованием лакомых кусков. Все съедобные части трупа использовались точно так же, как и мясо домашних животных. Ацтекских жрецов можно назвать ритуальными массовыми убийцами в поддерживаемой государством системе распределения и перераспределения значительного количества животного белка в виде человеческого мяса. Само собой, у жрецов были и другие обязанности, но ни одна из них не имела столь большого практического значения, как их палачество.

Причины, способствовавшие возникновению каннибальского царства ацтеков, требуют своего внимательного изучения. Повсюду в мире возникновение новых государств и империй приводило к исчезновению первоначальных обрядов жертвоприношений и каннибализма. В отличие от ацтекских богов, высшие боги Древнего мира накладывали свою табу на потребление человеческой плоти. Почему же только боги Мезоамерики поощряли каннибализм? Как предполагает Гарнер, ответ на этот вопрос следует искать как в значительно истощившихся экосистемах Мезоамерики в результате их интенсивной эксплуатации на протяжении веков и роста народонаселения, а также в использовании человеческой плоти как дополнительного источника животного белка, который обходился гораздо дешевле.

Как уже говорилось выше, Мезоамерика к моменту открытия ее европейцами оказалась в весьма плачевном состоянии, так как ее животные ресурсы были сильно истощены – как ни в одном другом регионе мира. Постоянный рост населения, интенсификация производства под жестоким авторитарным правлением классических высокогорных империй фактически привели к исчезновению мяса животных со стола простых людей. Представители правящего класса со своими слугами, вполне естественно, продолжали потреблять мясные деликатесы. Но простолюдины, как отмечает Гарнер, несмотря на расширение сельскохозяйственных угодий – «чинампас», часто были вынуждены есть водоросли, растущие на поверхности вод озера Тескоко. Если кукуруза и бобы в достаточном количестве могли обеспечить все потребности в основных аминокислотах, постоянные кризисы в производстве того или иного продукта на протяжении всего XV столетия сокращали процентное содержание белка в организме человека до такого опасного уровня, который с биологической точки зрения оправдывал тягу к мясу, даже человеческому.

Могло ли распределение человеческого мяса, остающегося после религиозных жертвоприношений, в значительной степени увеличить количество белка и жиров в организмах всей нации ацтеков? Если учесть, что население Мексиканской долины в те времена насчитывало два миллиона человек, а число пленников, приносимых в жертву богам, не превышало 15 тысяч в год, то ясно, что ответ может быть только отрицательным.

Но и сам вопрос поставлен неверно.

Главное заключается не в том, в какой степени каннибальское распределение человеческой плоти способствовало укреплению здоровья и сохраняло жизненные силы среднего, простого гражданина, а в том, как вознаграждение этим жертвенным мясом избранных групп в критические периоды правления могло вызвать благоприятные изменения в проведении устойчивого политического курса. Если голодный человек мог только рассчитывать

на палец руки или ноги жертвы, то политическая система государства, вероятно, не смогла бы функционировать нормально.

Но если человеческое мясо поставлялось в значительном количестве знати и их приближенным, высшим военным чинам и солдатам, если такие поставки компенсировали нехватку сельскохозяйственных продуктов, то сам Монтесума и весь правящий класс могли оставаться спокойными и не опасаться краха своего политического режима. Если наш анализ верен, то можно все это выразить несколько иначе. Обилие одомашненных животных сыграло огромную роль в запрете на каннибализм в государствах и империях Старого Света, оно привело к развитию религий, основанных на любви и милосердии. Христианство, можно сказать, стало для нас, скорее, даром агнца, чем святого младенца, который родился в его яслях.

Глава 4

Обычаи и мифы североамериканских индейцев

Многие из американцев воспитаны на книгах Фенимора Купера, таких как «Последний из могикан», на рассказах о краснокожих и ковбоях, на знаменитой «Песни о Гайавате» Лонгфелло. В этой поразительно большой поэме сосредоточено все богатство американского фольклора, самые романтические рассказы о коренных жителях Американского континента.

Они, эти сказания, представляют собой мифологию таких племен, как делавары, моги-кане, чокто, каманчи, шошоны, черноногие, гуруны и оджибве, и многих других, которых для удобства Лонгфелло в своей поэме разместил на берегу озера Верхнего со стороны штата Висконсин, на истинной родине индейцев оджибве.

На территории Северной Америки индейцы вели беспощадную войну со вторгшимися сюда захватчиками-христианами, проявляя при этом неслыханную жестокость по отношению к захваченным пленникам, своим жертвам. Они, как и многие южноамериканские народы, тоже использовали их в своих священных ритуалах, которые поразительно напоминали обряды, принятые в Старом Свете. Если на таких ритуальных церемониях и менялось снаряжение палача, то этот факт лишь отражал уровень развития технологии на данном этапе; так, если для этой цели в XVIII веке в Африке использовался меч, то в Мексике – острый нож из застывшего вулканического стекла, а в странах Южной Америки – деревянная дубинка. Каннибализм хотя и был здесь распространенным явлением, но не носил универсального, всеобщего характера.

Мы не располагаем убедительными свидетельствами о прибытии в Америку каких-либо путешественников из Старого Света до Колумба, за исключением, может, викингов, которые, правда, оставили после себя очень мало следов. Подобные близкие параллели между двумя полушариями убедительнее всего можно объяснить существованием на том месте, где сегодня Берингов пролив, узкой полоски суши, «этого мостика», связывающего когда-то Северо-Восточную Азию с Северо-Западной Америкой. Эта полоска земли ушла под воду только около 12 000 лет назад. Культ «человеческих черепов» существовал и в Америке задолго до того, как она была отделена от Азии. Этот культ наравне с другими примитивными формами религии стал общим наследием для «охотников за черепами», часть которых перебралась в Новый Свет, а часть осталась на прежнем месте, в Азии. Таким образом, и местные обычаи развивались в том же направлении, что в Евразии и Америке, – у них были одни и те же глубокие общие корни.

Вряд ли стоит повторять длинный список ритуальных убийств, совершенных на территории Америки, – точно такие же происходят и в тех местах, которые мы выше назвали. В этой главе я намерен дать свои характеристики лишь тем народам Нового Света, которые отличаются чем-то своеобразным, необычным. Например, если в других регионах идея о том, что жертва должна быть одновременно и другом и врагом, давала о себе знать лишь подспудно, не очень ясно, то в обеих Америках она выражалась куда более открыто. Как в Южной, так и в Северной Америке у некоторых туземных племен существовал странный обычай вначале радушно относиться к своей будущей жертве. Таким образом, между жрецом и «козлом отпущения» устанавливались отношения любви-ненависти. Жертва уже не была чужаком, а становилась членом семьи хозяина, захватившего ее в плен, и так продолжалось довольно долго, до дня жертвоприношения, иногда в течение целого года.

Нужно подчеркнуть, что, скажем, в отличие от ацтеков в Новом Свете от жертвы требовалось более активное участие в религиозных ритуалах, в ходе которых она должна была

принять смерть. От пленника требовали, чтобы он, словно в исступлении, пел и танцевал – это было частью предусмотренного заранее «шоу» для зрителей. Другой отличительной чертой жертвоприношений у североамериканских индейцев было применение пыток. При этом мучители добивались особенно продолжительной и интенсивной агонии такими же разнообразными методами, что и инквизиция, а это заставляет предположить, что индейцы оказались способными учениками в этом отношении и сумели многое перенять у своих европейских захватчиков. Некоторые религиозные обряды в районе Миссисипи в Соединенных Штатах не только сильно напоминают подобные, существовавшие когда-то, в древней Мексике. Когда испанцы завоевали эту страну, а испанские миссионеры все увереннее продвигались дальше на север, индейцы превратились не только в стойких защитников христианского Евангелия, но еще и прекрасно усвоили испанскую технику пыток, которым подвергали своих врагов. Когда индейцы гуале (ныне штат Джорджия) восстали против испанских миссионеров в 1597 году, то захватили в заложники священника, превратив его в обыкновенного раба. Более того, однажды, когда он в чем-то провинился, они, привязав его к столбу, разбросали вокруг него кучу хвороста, имитируя тем самым испанское аутодафе. Однако, в отличие от несгибаемых инквизиторов, они все же его отпустили. Первые испанские путешественники, посетившие юг Соединенных Штатов, редко упоминали индейские методы пыток. Такие сообщения большей частью поступали значительно позже от английских и французских искателей приключений. Поэтому, даже если у индейцев существовали свои ритуальные пытки до их вступления в контакт с европейцами, можно с полной уверенностью утверждать, что эти контакты только вдохновляли их на разработку новых методов – сжигание жертвы живьем было, несомненно, заимствованной технологией расправы.

В начале XVIII века англичане с севера, а испанцы с юга вступили в боевые действия с индейским племенем ямассе, которое обитало к северу от реки Саванны. Эти смельчаки перебирались на другой берег, захватывали на завоеванных чужеземцами землях испанских пленников, привозили их в свои поселки и там подвергали таким жестоким пыткам, о которых ничего не было известно другим североамериканским индейцам. Одних ножами и томагавками медленно, кусок за куском, расчленили, других погружали по шею в воду, а индейцы с небольшого расстояния стреляли в них из луков, метя стрелой в голову. Был и еще один вариант: пленников привязывали к дереву и пронзали самые чувствительные части их обнаженных тел горящими заостренными с одного конца головешками – такая изощренная пытка стала одной из самых распространенных. Но даже подобные злодеяния не остановили испанцев, и в 1715 году они заключили дружеский союз с племенем ямассе, чтобы с их помощью изгнать из страны англичан. Таким же образом индейцы пытали и захваченных в плен англичан.

Подобным описанием ритуальных пыток и убийств, совершаемых североамериканскими индейцами, мы обязаны главным образом исследованиям антрополога Натаниэля Ноулза, который рисует нам живую, сочную, потрясающую картину, дает страшную иллюстрацию этой малоизвестной темы. Ноулз приводит рассказ очевидца об особой пытке, которую применяли индейцы племени натчезов, обитавшие в нижнем течении реки Миссисипи. Вначале они вгоняли в землю два шеста, которые соединялись вверху двумя поперечными. Жертву подвешивали так, чтобы несчастный чуть касался ногами земли, и в таком виде оставляли его на время оплакивать свою горькую судьбу, а сами индейцы рассаживались вокруг для трапезы.

Закончив трапезу, они подходили к сооружению, на котором висела, покачиваясь, жертва. Несколько раз поворачивали его вокруг оси, чтобы все хорошенько видели. Затем тот воин, который взял несчастного в плен, обрушивал свою дубину ему на затылок, отчего тот издавал ужасающий вопль, и принимался методично снимать с пленника скальп, стараясь не порвать кожу. Пока воин стаскивал с еще живого пленника скальп, юноши племени

отправлялись на поиски сахарного тростника. Измельчив сухие стебли, они загоняли острые кусочки в ту часть тела пленника, которая им понравилась. Тот, кто считался его хозяином, брал в руки сухой стебель и, поджигая его, этим факелом тыкал несчастного. Но прежде всего его внимание привлекала правая рука жертвы, та, которой пленник оказывал сопротивление в бою. Другие, вытащив изо рта дымящиеся трубки, прижигали ими ноги несчастного. В общем, каждый из индейцев действовал по своему усмотрению, чтобы причинить жертве боль любым способом, покуда у нее еще сохранились силы и она не умерла.

Если пленник еще был жив, они заставляли его петь песню смерти, которая представляла собой череду горестных воплей, стонов, криков. Некоторых пленников индейцы заставляли постоянно в течение трех дней и трех ночей «репетировать» свою роль, не давая жертве воды, чтобы утолить жажду, даже если она униженно умоляет их об этом. Но, по сути дела, пленники никогда с такими просьбами к своим палачам не обращались, заранее зная, что у их врагов каменные сердца.

Иногда такой пытке подвергались и европейцы. Известны два случая – в 1729 и 1730 годах, – когда подобной процедуре подверглись два француза. Перье сообщил, что после подавления мятежа племени натчезов он отдал приказ заживо сжечь четырех мужчин и двух женщин. Племя чикасов, жившее по течению реки Миссисипи, на этом не остановилось. В 1736 году, когда французы объявили им войну, они сожгли на медленном огне живьем двадцать шесть французских солдат и семерых офицеров. Племя чероки тоже славилось своими ритуалами, но самыми изощренными заплочных дел мастерами были племена ирокезов, гуронов, маскали и прочие их соседи на севере страны. Очевидцем таких пыток стала Мэри Джемисон, которая была приемной дочерью в племени ирокезов. Она рассказывает, как индейцы из Кентукки пытали белого пленника в 1759 году, нанося ему многочисленные порезы по всему телу, а потом избивая маленькими прутиками. Она даже приводит описание различных технических приемов. Среди них: прикладывание горящих головешек, тлеющих углей и раскаленного металла к разным частям тела; посыпание нагретым песком и тлеющими углями головы, с которой только что был снят скальп; вырывание всех волос на голове и в бороде; связывание тела горящими веревками; нанесение увечий: уродование ушей, носа, губ, языка и других частей тела; прижигание изуродованных частей тела; вырывание ногтей; выламывание пальцев; насаживание обрубков на маленькие вертела, вытягивание жил из рук. В 1782 году шошоны поджарили на медленном огне английского офицера по имени Кроуфорд.

В отличие от южных племен, которые применяли для пыток сооружение типа дыбы, северяне чаще всего возводили что-то вроде эшафота с платформой, на которой пленники встречали свой печальный конец. Сообщения о ритуальных пытках среди этих племен поступали на протяжении более двух веков. Французские путешественники и миссионеры впервые столкнулись с племенами алгонкинов и ирокезов в районе реки Святого Лаврентия в начале XVII столетия. Иезуиты создали живые, леденящие душу описания всех их жестокостей и злодейств, из которых явствовало, что любой контакт с этими индейцами мог завершиться жесточайшими пытками и смертью. Детали таких издевательств несколько изменяются в разных племенных группах. Отец Ле Жен, которого часто цитирует Ноулз, составил в 1637 году доклад по поводу того, как гуроны относились к ирокезам, и нарисованная им картина приводит любого человека в ужас.

По словам Ле Жена, ритуал начинался с наступлением сумерек, когда зажигались одиннадцать костров. С радостными воплями и стар и млад высыпали на деревенскую площадь либо с горящей корой в руках, либо с факелом. Жертву заставляли бегать между кострами, а его преследователи пытались догнать его и прижечь или применить какую-либо иную пытку, а когда преследуемый терял сознание, его приводили в чувство. Среди индейцев не было никаких ссор по поводу того, кто первым должен прижечь пленника, – каждый это делал

по очереди. Пока одни наслаждались пыткой, другие придумывали все новые способы, как сильнее помучить жертву. Как только вопли несчастного стихали, все начиналось снова. Факелы затухали, и их приходилось постоянно поджигать. Для этой цели все дружно раздували костры. Однако и этого казалось мало. Тогда несколько человек, обвязав пленника веревками, поджигали их, чтобы насладиться его страшной агонией. Никто не оставался в стороне, каждый стремился перещегоолять своего собрата в изощреннейшей жестокости.

Как только светало, мучители гасили костры, и теперь солнце освещало кровавую сцену. Пленника отводили в сторону. Два индейца, схватив его за руки, заставляли жертву подняться на эшафот высотой шесть или семь футов. Несчастного привязывали к растущему рядом дереву, что позволяло ему более или менее свободно передвигаться по платформе, затем начинали прижигать его горящими факелами еще более энергично, чем прежде, не оставляя теперь на всем теле живого места. Когда пленник уклонялся от факела одного из палачей, его доставал факел другого. Пытка шла непрерывно – жертве заталкивали горящие головешки в горло, в задний проход, выжигали глаза, раскаленными докрасна лезвиями топоров рубили плечи, шею, спину. Так мучители издевались над пленником, покуда у него не прерывалось дыхание. Тогда ему вливали в горло воды, а главный палач кричал, что несчастный может немного отдохнуть. Он уже ничего не слышал, лежал неподвижно, рот у него был широко раскрыт. Опасаясь, что жертва может умереть в любую минуту, но не от ножа, один из палачей поспешно отсекал ему руку, второй – ногу, а третий отрубал голову, которая летела в толпу.

Однако не всех пленников ждала такая страшная судьба. С теми, кому особенно повезло, обращались с лаской и любовью и даже принимали их в состав племени. В судьбе пленников решающее слово было за женщинами, и у самых сильных и здоровых появлялся шанс стать членом племени. Довольно часто какая-нибудь вдова обретала таким образом нового мужа. Однако, даже если пленника принимали в племя, это еще не означало, что ему гарантирована жизнь. Так, некий вождь племени ирокезов принял в свое племя более сорока пленников, но потом всех до одного сжег живьем. Даже те из них, кто заменил вдовам утраченных мужей, могли подвергнуться ужасным пыткам и даже умереть, если только, по словам их новых жен, они оказались не на уровне в постели.

Хотя многие сведения об обычаях североамериканских индейцев поступали в основном от миссионеров, они сильно отличаются от рассказов францисканского монаха де Саагуна и других испанцев, побывавших в древней Мексике. Если де Саагун вникал в каждый аспект туземной религии, иезуиты и другие священнослужители, описывающие нравы и обычаи североамериканских племен, в основном сосредоточивали свое внимание на обращении их с пленниками, не останавливаясь особенно на их религиозных верованиях и причинах, вызывавших такое жестокое обращение с чужаками. Довольно часто клирики говорят о том, что во всем виновата чисто индейская жестокость, та радость, которую испытывают индейцы при виде человеческих страданий, или все объясняют их страстью к человеческому мясу. Тем не менее многочисленные свидетельства очевидцев не могут скрыть того убедительного факта, что, какими бы дикарями американские индейцы ни были, все их действия оставались религиозными по своей природе. Ле Жен, например, подчеркивает, что гуроны вначале, как правило, очень ласково относились к своим жертвам, очень мягко, по-родственному. Пленника заставляли все время танцевать и петь в каждой деревне на пути к дому своего хозяина. Далее каннибализм объяснялся религиозным ритуалом, а сердце пленника, которое вырывали у него из груди, часто отдавали юношам племени. Среди индейцев ирокезов богу войны приносились в жертву и женщины, если у них в этот момент не оказывалось пленников-мужчин, в таком случае они устраивали в честь этого божества праздник, на котором ели медвежье мясо, если человеческого не было под рукой. Ле Жен отмечает, что когда в жертву приносился пленник из племени ирокезов, то вождь племени, взявшего его

в плен, сообщал своим соплеменникам, что на этой торжественной церемонии будут обязательно присутствовать бог солнца и бог войны.

Интересно отметить и отношение американских индейцев к скальпам. Это тоже был тщательно разработанный религиозный обряд, особенно на юге нынешних Штатов, где прежде с жертвы снимали скальп, а только после этого подвергали остальным пыткам. Так, иссиу, жившие на берегах Миссури, вначале развешивали скальпы на деревьях, распевая религиозные гимны в их честь, после чего помещали их в золу от вечного огня, поддерживаемого в храме, выставляя перед ними в качестве приношения еду. Индейцы племени пауни применяли скальпы в качестве церемониальных даров своим богам. Старые женщины из племени натчезов надевали на себя скальпы во время ритуальных танцев, когда молили солнце принести победу своему племени. Повсюду на юго-востоке американские индейцы считали скальпы религиозными приношениями, и там, где это практиковалось, например в Мексике, черепа жертв обычно складывались в кучи рядами перед входом в храм.

На противоположной оконечности Североамериканского континента племена индейцев, живших на северо-западном побережье Канады, практиковали такие экзотические способы каннибализма, которые почти ни в чем не были похожи на подобные обычаи в Старом Свете. Как и в случаях каннибализма в Западной Африке, все основывалось на тайных обществах. Племена индейцев квакиутль обитали на расстоянии двух тысяч миль от североамериканских племен, к западу от озера Верхнего, на американо-канадской границе, где она, делая крюк, огибает по заливу Хуан-де-Фука южную оконечность острова Ванкувер.

Члены племени, разумеется, были охотниками, как и все североамериканские индейцы, – охотниками, умеющими ставить капканы. Но еще и рыбаками, что было обусловлено местами их проживания. Горы и леса Британской Колумбии были их «глубинкой», а холодное побережье Тихого океана с одной стороны и высокая гряда Скалистых гор с другой – границей. У них не было никакого желания проникать через эту преграду, ибо они, по существу, были замкнутой самодостаточной общиной, состоящей из множества кланов, – это было очень сплоченное общество, связанное особенно крепкими узами со своими великими богами, как злыми, так и добрыми, со своим главным Духом-хранителем и подчиненными ему духами.

Как и все подобные сильно изолированные общины, в силу своего географического местоположения и других разнообразных причин квакиутль стремились сосредоточиться только на самих себе. Созданные ими легенды, рассказы, сказания – все теснейшим образом связано с их собственными межплеменными отношениями, с их богами и духами-хранителями. Квакиутль совсем не интересовали люди и племена, жившие за пределами их территории. Стоит ли в таком случае удивляться, что индейцы квакиутль разработали такую своеобразную племенную мифологию, подобную которой очень трудно найти во всем мире.

Они по-разному трактуют свое происхождение. Мифический предок их племени, по их поверьям, либо спустился на их нынешнюю территорию с небес, либо пришел из подземного мира или даже возник из океанской пучины. Как давно это было, они не ведают. Но, как явствует из громадного количества их легенд, этой поразительной саги, по сравнению с которой «Песнь о Гайавате» Лонгфелло всего лишь небольшая записная книжка, это было давным-давно. У каждого племени – свои покровительствующие божества, у каждого – свой набор духов, как добрых, так и злых, и их нужно постоянно умиловать, нужно им льстить или даже остерегаться их. Именно такая, явно ненормальная, «закрытость», такие тесные взаимоотношения между племенами, кланами, племенными богами и духами объясняют необычайное богатство очаровательных подробностей, фантастическую смесь реального и ирреального, что свойственно только индейцам квакиутль. Все эти рассказы и повествования на протяжении долгих лет собирались, запоминались и должным образом интерпретировались. Для них в гораздо большей степени, чем для ацтеков, религия

и повседневная жизнь племени, как коллективная, так и индивидуальная, были абсолютно личным делом, что, вполне естественно, требовало постоянной бдительности, присутствия здравого ума, предприимчивости, смелости и свежести восприятия.

Только одно осложнение беспокоило их в жизни: сбивающее с толку предположение, что сверхмогущественные силы – их боги и духи-хранители, которые были столь благожелательно настроены по отношению к их предкам, – не утрачивая своей симпатии к ним от поколения к поколению, могли вполне изменить свое отношение к потомкам. Какой ужас! К счастью, как они считали, есть еще и другие духи, которые по собственному волеизъявлению готовы вступить в контакт с индейцами, готовы на всякий случай наделить их толикой своего сверхъестественного могущества. Главная проблема заключалась в том, чтобы выяснить, кто есть кто и что есть что.

Первое дело для любого индейца квакиутль, вполне естественно, – это заручиться благожелательным к себе отношением, а значит, и защитой, со стороны одного из духов-хранителей племени. Он, например, может заручиться поддержкой Виналагили, отважного воина, который живет далеко на севере, редко появляется дома, ибо он – дух беспокойный и ему больше всего нравится скитаться по земле и вести в одиночестве войну там, где он этого захочет. Он способен настигнуть любого, не выходя даже из своего каноэ. Защита со стороны Виналагили обеспечит юноше из племени квакиутль любое из трех главных достоинств, которое наверняка поможет ему в любом случае на протяжении всей жизни: он будет неуязвим, он обретет власть над духом болезней, этим невидимым червем, который, постоянно перемещаясь по воздуху, способен наносить смертельные удары любому, на ком он остановит свой выбор, и, наконец, если его ранят, он не будет испытывать никакой боли, а может, вообще сумеет избежать любого ранения.

К тому же он может искать защиты и у Матем, этой странной птицы, которая, по слухам, обитает на вершинах некоторых деревьев и в состоянии наградить любого представителя племени квакиутль способностью летать.

Более того, и здесь мы сталкиваемся с самым интересным, если не с самым ужасным: юноша из этого племени может просить о защите внушающего леденящий страх Баксбакуаланксиву – это чудовищное, почти непроизносимое имя означает «тот, кто первым съел человека в устье реки».

Его дом где-то на склонах высоких гор. Из трубы его постоянно курится красный дым, образуя над домом зловещее облако. Он живет вместе со своей женой Коминокуой, ужасной женщиной, которая поставляет ему его тошнотворные яства. Ей в этом помогает служанка-рабыня Кинкалалала, обязанность которой – находить новые жертвы и собирать трупы.

У порога этого дурно пахнущего дома притаился еще один раб, черный ворон, Коакскоаксуалануксива, которому предоставлена хозяином неслыханная привилегия – выклевывать глаза тех тел, которые он, насытившись, выбрасывает прочь. У него есть подружка Гокс-гок – волшебная птица, обладающая могучим клювом, чтобы выклевывать мозги из черепов, разбиваемых обычно хозяином одним точным, тяжелым ударом. У владельца дома и у этой разношерстной компании есть еще один слуга – медведь-гризли по кличке Айаликилал.

Юноша племени квакиутль, который решится искать заступничества со стороны Баксбакуаланксивы, если ему в этом повезет, присоединится к гамацу. Они занимали в племени весьма привилегированное положение – им разрешалось есть человеческое мясо сколько влезет, от души, независимо от того, кто стал жертвой: враг, погибший на поле брани, пленник, захваченный во время вылазки, или же их соплеменник. Короче говоря, гамацу были узаконенными каннибалами, главной привилегией которых, даже обязанностью, было разделять страсть своего повелителя Баксбакуаланксивы к человеческой плоти. Однако, как мы

скоро увидим, такая привилегия обуславливалась необычными обстоятельствами и множеством табу.

Так как у главного духа их племени был такой свирепый нрав, то, вполне естественно, все легенды о нем должны были быть куда более тщательно разработанными, более ужасными в каждой детали по сравнению, скажем, с такими более беззлобными и относительно мягкими божествами, как Циналагили или Матем. В легендах рассказывается о том, как их предки во «мгле прошлого, в бездне времени» установили первые контакты с этим духом.

Вот что говорится в одной из легенд. В стародавние времена у вождя племени квакиутль по имени Нанвакаве было четверо сыновей, которые постоянно только тем и занимались, что охотились на горных козлов. В те дни члены племени квакиутль постоянно самым таинственным образом куда-то исчезали один за другим. Скоро, плакались женщины, у нас не останется ни мужей, ни братьев, ни сыновей, так как в первую очередь, конечно, исчезали мужчины.

Наконец чаша терпения индейцев переполнилась, и в один прекрасный день разгневанный вождь заявил, что пора выяснить, что происходит с людьми, куда они деваются. Ему единственному было известно о могущественном горном духе, который, вероятно, и был причиной исчезновения индейцев. Он также знал, что, разрешая своим четверым сыновьям охотиться в горах на козлов, он тем самым подвергал их жизнь серьезной опасности. Тем не менее ему, как вождю племени, предстояло раскрыть эту тайну. Итак, наступило время, и призвал он своих сыновей – старшего – Тавиксамае, второго по старшинству – Коакоасилилагили, третьего – Якуа и самого младшего – Нилилоку – и попросил их внимательно прислушаться к его словам.

– Сыновья мои, – сказал он им, – отправляйтесь в горы и, когда увидите на склоне горы дом, из трубы которого валит дым, красный, как кровь, не смейте в него входить, иначе никогда не вернетесь обратно. Это дом Баксбакуаланксивы. Не входите и в другой дом на том же склоне, из трубы которого курится серый дым, – это жилище медведя-гризли по кличке Айаликилал. Туго придется вам, коли войдете к нему. А теперь ступайте, мои дорогие сыновья, да глаза раскрывайте пошире, чтобы все видеть вокруг, не то не будет вам пути назад.

На следующий день рано утром юноши, попросившись с отцом, пустились в дорогу и к вечеру подошли к дому, из трубы которого курился серый дым.

– Вот оно, жилище гризли, – догадался старший. – Этот негодный медведь, видно, и слопал наших индейцев. Давайте проверим, прав ли был наш отец, наказывая нам не входить в него?

Когда они подошли поближе к дому, на порог вышел медведь. В зубах он держал кусок человеческого мяса, с которого на землю капала кровь.

– Вон, глядите! – закричал старший. – Это, должно быть, кровь одного из наших людей. Пошли, давайте поскорее уьем медведя!

Весь остаток дня четверо братьев отважно боролись с медведем-гризли, который то и дело угрожающе обнажал свои большие желтые клыки, пытаясь схватить ими кого-нибудь из нападавших. Но вот наступили сумерки, и старшему наконец удалось нанести по медведю ловкий удар дубиной и расколоть ему череп. Медведь замертво повалился к их ногам. Заглянув в дом медведя, братья были поражены – там повсюду были разбросаны человеческие кости и черепа.

– Ладно, пошли дальше, – сказал старший, – наше путешествие еще не закончилось.

Шли они, шли, уже наступила глубокая ночь, и ничего впереди не было видно, хоть глаз выколи. Наконец измученный младший брат Нилилоку, споткнувшись, упал без сил на землю. Он уже не мог двигаться. Тогда остальные улеглись рядом с ним и заснули до рассвета.

На следующее утро братья продолжили свой путь. Шли они, шли, карабкались вверх по крутому горному склону долго-долго, наконец вдаль увидели дом, из трубы которого валил красный, как кровь, дым, коромыслом поднимаясь в небо. Сразу все поняли, что перед ними жилище свирепого Баксбакуаланксивы.

– Пошли, братья, – сказал старший. – Посмотрим, прав ли был наш отец, наказывая нам не входить к нему.

Они, прибавив шагу, подошли наконец к порогу дома на склоне горы, из трубы которого валил кроваво-красный дым, поднимаясь коромыслом к небу, застилая его грозным облаком. Старший постучал. Никакого ответа. Внутри ничто не двигалось. Ни шороха, ни звука. Старший снова постучал – тот же результат. Тогда братья, широко распахнув двери, вошли в темную комнату.

Вдруг откуда-то из плотной темноты до них донесся женский голос:

– На помощь! – кричала женщина. – Корнем своим я глубоко ушла в землю. На помощь! Помогите мне, и я помогу вам. Ах, как долго я вас ждала!

– Но что мы должны для этого сделать? – спросил старший.

– То, что я скажу вам, нужно исполнить в точности, – ответил женский голос из темноты, в которой они ничего не могли разобрать. – Когда дым рассеется, не обращайтесь внимания на то, что увидите. А сами пока выройте глубокую яму в полу. Набросайте камней в очаг и, когда они накалятся докрасна, бросьте их в яму.

Когда братья все сделали, как им велели, она сказала:

– Ну, а теперь закройте яму досками. Как только Баксбакуаланксива вернется с охоты, он, надев маску, начнет танцевать. Это его дом, вы знаете?

Не успела еще женщина договорить до конца, как братья живо закрыли досками яму, в которую набросали раскаленных докрасна камней. Едва справившись с этим, они услышали свирепый свист с крыльца. Возле двери вначале потемнело, а потом оттуда брызнул яркий солнечный свет – это в комнату втиснулась громоздкая фигура всемогущего духа. Постояв с минуту у двери, он завопил страшным голосом:

– Хап! Хап! Хап! Хап! Есть! Есть! Есть! Есть! Хочу!

А за ним в один голос закричали и странная птица Гоксгок с громадным, с человеческую руку, клювом, твердым, как камень, и черный ворон Коакскоаксуалануксива, любитель выклевывать глаза у несчастных жертв:

– Хап! Хап! Хап! Хап! Есть! Есть! Есть! Есть! Хочу!

Улегся Баксбакуаланксива, растянулся на земляном полу, и четверо братьев, даже младший, укрывшийся за спинами старших, увидели, что все тело его покрыто разинутыми, испачканными кровью ртами. Поднявшись с пола, чудовище рыскало туда-сюда в пропитанной едким дымом темноте, все время вскрикивая:

– Хап! Хап! Хап! Хап!

И голос его выдавал нетерпение. А ворон, покрытый густыми перьями от клюва до хвоста, исполнял тем временем какой-то странный неистовый танец перед очагом, а оттуда поднимался красный, как кровь, дым и исчезал в дыре в крыше. К ним присоединилась, наконец, и невиданная птица с большим, твердым, как камень, клювом, и вся троица заплясала перед огнем, то и дело выкрикивая:

– Хап! Хап! Хап! Хап!

Крики с каждым мгновением становились сильнее, свирепее, настойчивее. А темп их дикой пляски все убыстрялся.

Вдруг из дальней комнаты вышла жена духа Коминокуа. И она принялась танцевать и громко кричать:

– Хап! Хап! Хап!

За ней пришла и рабыня Кинкалалала и тоже подключилась к неистовой пляске, покрикивая:

– Хап! Хап! Хап! Хап!

Наконец, ступни ног великого духа оказались на краю той ямы, которую братья выкопали в полу. Изловчившись, старший выхватил укрывавшие ее доски, и Баксбакуаланксива рухнул на самое дно на раскаленные камни, краснеющие в глухой темноте.

– Ну, а теперь не мешкайте! – взвизгнула женщина. – Поскорее закапывайте его!

С быстротой молнии четверо братьев принялись метать в яму раскаленные камни, дерн и землю, покуда не завалили ее до краев.

Баксбакуаланксива умирал. Тело его шипело на камнях, из него вырывались струи пара, а дым смешивался с красным, как кровь, дымом, устремлявшимся к дыре в крыше. И он умер. И в то мгновение, когда он умер, вместе с ним испустили дух его жена со своей рабыней, а две диковинные птицы исчезли.

– Вот, возьмите его украшения, сделанные из коры красного кедра, – сказала женщина, – его маски, свистки и тот темный столб, это столб гамауу. Но до ухода отсюда вам нужно выучить песнь Баксбакуаланксивы. Я вас сейчас научу.

Но старший ответил:

– Прежде мы вернемся домой и расскажем отцу, что видели, слышали и делали с того времени, как расстались с ним. Потом, может, вернемся вместе с ним – пусть он во всем убедится собственными глазами.

С тем и ушли. Братья быстро спустились по крутому горному склону, перебрались через реку, встретились с отцом, все рассказали ему.

– С радостью пойду туда с вами, чтобы поглядеть на такое чудо, – сказал вождь.

И вот на рассвете все они вновь отправились к дому духа, вверх по горному склону.

Шли они, шли и наконец пришли к тому дому, из трубы которого валил красный, как кровь, дым, коромыслом поднимаясь в небо. Та женщина, которая в первый визит была вкопана в землю, говорит им:

– А теперь вам придется станцевать. Но прежде разделите между собой маски: маску каннибала, маску гамауу, маску ворона и маску Гоксгока, а также кору красного кедра. И еще свистки Баксбакуаланксивы. Но прежде позвольте мне научить вас тайным песням.

Кончила эта женщина петь, а вождь ее и спрашивает:

– А теперь скажи мне, кто ты такая?

Засмеялась в ответ женщина ужасным, леденящим душу смехом и говорит:

– Ты на самом деле не знаешь, кто я такая? Ну, я... я твоя давно пропавшая дочь, которую Баксбакуаланксива, знаменитый каннибал, не хотел съесть, а лишь закопал по пояс в землю, чтобы изливать на меня свое презрение до скончания времен.

– Как я рад, – ответил отец. – Надеюсь, и братья твои радуются от всего сердца. Ну, а теперь пора возвращаться домой. Устроим пир на весь мир!

Горько заплакала женщина и ответила:

– Увы, это невозможно, дорогой отец. Не могу я пойти с тобой и с моими любезными братьями домой, так как я корнями вошла в эту землю и не могу сдвинуться с места.

– Но мы тебя откопаем, – предложил отец и, позвав сыновей, велел им немедленно приступить к работе.

С радостью принялись они копать, но чем глубже копали, тем толще становился корень, и наконец стало им ясно, что им никогда не откопать ее, не освободить из тисков проклятого корня.

– Стоит вам отрубить корень, как я обязательно тут же умру, – печально сказала женщина. – Так что возвращайтесь домой одни, без меня. И как только доберетесь до своего дома на великой реке, исполните зимний танец. И там исчезнет мой старший брат Тавиксамае,

и превратится он в гамацу, каннибала. Через четыре дня исчезнет и второй мой брат Коакоасилилагили – он обернется Коминокуой и будет находить и поставлять пищу для нового гамацу. И с этого момента он не должен делать никакой работы, иначе умрет.

Ну, делать нечего. Потужили вождь с четырьмя своими сыновьями, погоревали, да в обратный путь отправились, как настаивала женщина, корень которой глубоко в землю ушел. Устроили они пир, и сразу после торжества исчез Тавиксамае, который с течением времени превратился в первого гамацу, – все так и произошло, как и предсказывала эта женщина, а брат второй прислуживал ему, как и должен был делать.

Ну, а теперь вернемся к танцам. Они были главной составной частью повседневной жизни племени квакиутль. Танцы преследовали основополагающую цель, так как демонстрировали, что танцующий – это олицетворение духа. Точно так же, как танцевал Баксбакуаланксива на полу своего дома перед тем, как свалиться в яму с раскаленными докрасна камнями и умереть, так и обращающийся к духу и ищущий его заступничества молодой индеец из племени квакиутль должен танцевать. На нем устрашающая маска, он носит с собой личные вещи духа, доказывающие, что он и покровительствующий ему дух – это теперь одно и то же. Танец – это драматическое представление той части мифа, которая относится к передаче части силы духа индейскому юноше. Танец – это способ, или скорее один из способов, доказать своим соплеменникам, что юноша принят своим духом.

По мере того как суеверия племени квакиутль развивались, становясь все сложнее и сложнее и одновременно более захватывающими воображение, церемониальный танец начинал выполнять иную функцию. Юноша-индеец, который, по примеру своего предка Тавиксамае, исчез из поля зрения, чтобы побыть некоторое время со своим заступником и перенять у него его искусство и знания, должен все же вернуться домой, к родному племени. В его возвращении домой наверняка сыграла свою роль нечистая дьявольская сила. Дьявола следует изгнать, иначе он станет весьма опасным членом для своего племени. Таким образом, танец призван сыграть и определенную очистительную силу.

Будущий гамацу, намеренный пропитаться духом своего племени, духом Баксбакуаланксивы, уходит в леса и должен там провести в полном одиночестве, не считая компании духов, на поиск которых он отправился, около трех месяцев, иногда больше. Правда, в течение этого периода он несколько раз приближается к родной деревне, производя пронзительные, свистящие звуки и оглашая окрестности душераздирающими воплями:

– Хап! Хап! Хап! Хап!

Этим крикам он научился у своего духа в лесах.

Потом он громко начинает звать свою Кинкалалалу, которая обычно бывает его родственницей, и требует, чтобы она приносила ему пищу – человеческую плоть. Обратившись к ней с такой просьбой, юноша потом врывается, словно безумный, в деревню и начинает откусывать куски плоти от рук и грудей своих соплеменников.

Заметив, что он делает, к нему навстречу устремляется группа индейцев, потрясая церемониальными погремушками, которые должны утихомирить расхолодившегося гамацу. В деревне всегда есть шестеро таких «целителей», должность которых в племени передается по наследству, а четверо из них обязаны постоянно присутствовать при гамацу, когда он впадает в «священный раж», то есть экстаз. Их обязанность – все время находиться рядом с ним, направлять его дикие нападения на соплеменников, чтобы он действовал точно, без ошибки, при необходимости они сдерживают его, дают нужные советы. Они тоже кричат, бросая ему вызов:

– Хап! Хап! Хап!

За несколько дней до окончательного возвращения новичка-гамацу в деревню после его длительного одинокого пребывания в лесах на сход созываются ветераны-гамацу этой деревни. Они покидают деревню и идут по тропинке через лес, к хижине, которую построил

для себя молодой гамацу. Войдя, они видят, что он приготовил для всех обильное угощение из человеческой плоти. Хозяин приветствует ветеранов такими словами:

– Вот перед вами мои припасы для путешествия, их мне дал сам Баксбакуаланксива.

Возникает вполне законный вопрос: откуда у него столько человеческого мяса? Ответом на него служит любопытная практика, известная только племенам квакиутль. Она называется «Похороны на дереве».

Дело в том, что трупы, предназначенные для потребления гамацу, обычно помещались в деревянные ящики и водружались на ветви деревьев как можно выше. Таким образом, мертвые тела были доступны там всем ветрам и горячему солнцу, так что в результате продолжительного нахождения на кроне многие трупы превращались в мумии.

Когда требовался труп для церемониального вкушения, то его снимали с ветвей дерева и прежде всего старательно вымачивали в соленой воде. Затем один из «гелига» (старейшин) брал несколько веточек болиголова и, разгребая листья, с большой осторожностью проталкивал их под кожу трупа. Таким образом устранялись разложившиеся части тела. Затем труп клали на крышу небольшой хижины, в которой новоявленный гамацу проводил последние дни своей добровольной ссылки. Руки трупа свешивались с края крыши покачиваясь, вспоротый живот оставался открытым с помощью специального устройства из палочек – так обычно распирают бараньи туши в лавке мясника. Под трупом новый гамацу постоянно поддерживал огонь, чтобы тот как следует прокоптился, в соответствии со строго установленным ритуалом.

Поприветствовав пришедших к нему в гости ветеранов-гамацу, он стаскивал труп с крыши и укладывал его на чистой циновке перед своей хижинкой. Затем каждый из гостей в строгой последовательности по старшинству приглашался отведать угощения. Ему предоставлялось право выбрать тот кусок, который ему больше всего нравился.

Его Кинкалалала, наклонившись, поднимала труп и медленно пятилась с ним назад на вытянутых руках, не спуская при этом глаз с новичка. Она проходила мимо очага, на котором прежде коптился труп, а новоявленный гамацу неотступно следовал за ней. Войдя в хижину, они проходили в ее дальний угол, где укладывали мертвеца поперек большого барабана племени. Это было сигналом для остальных гамацу. Они, стремительно ворвавшись в хижину, начинали исступленно танцевать вокруг трупа. У всех текли слюнки, так им не терпелось поскорее начать пиршество.

Но существовало еще одно условие ритуала, которое не давало жадно наброситься на угощение. Прежде сама Кинкалалала должна была проглотить четыре кусочка мяса. Все внимательно следили за ее действиями, за каждым проглоченным кусочком, которым велся аккуратный подсчет. После этого по закону племени новичок должен был проглотить все куски своей порции целиком, не жуя их и запивая каждый глотком соленой воды. Это, естественно, вызывало у него сильнейший приступ рвоты, и съеденное немедленно оказывалось на земле. Все ветераны внимательно подсчитывали лежавшие в блевотине кусочки, и если их число не совпадало с первоначально проглоченным, то с не меньшим вниманием изучались его экскременты, чтобы ни одного кусочка не задержалось у него в организме, после чего каждый из ветеранов-гамацу принимался жевать свою порцию.

После завершения церемонии «гелига» хватал новичка-гамацу за руку и быстро бежал вместе с ним до ближайшего соленого источника. Оба они брели по воде, куда она не достигала уровня их груди. За ними следовали остальные. На рассвете, на восходе солнца, каждый из гамацу четырежды окунался в воду, издавая ужасный вопль Баксбакуаланксивы: «Хап! Хап! Хап! Хап!» Такие омовения в воде, как считалось, помогают избавиться от охватывающего каждого гамацу неистового возбуждения, по крайней мере на какое-то время.

Наступало время для вновь обращенного гамацу возвращаться в родную деревню. Его возвращение отмечалось продолжительными ритуальными танцами, в которых каждое дви-

жение, каждая гримаса, каждый жест были исполнены символического значения. Но для гамацу прежде всего самое важное значение имел сам танец.

Он начинал танец из положения «сидя на корточках», а это означало, что он находится в состоянии ужасного, не поддающегося самоконтролю возбуждения, охватывающего каннибала-индейца, ищущего глазами, где бы ему ухватить кусок человеческой плоти. Он весь нервно дрожал, выкидывал вперед то одну, то другую руку, потом начинал танцевать на одной ноге, меняя ее на другую. Когда он кружил по хижине, специально предназначенной для танцев, то не отрывал глаз от потолка, что символизировало поиски трупа, лежащего там, наверху, оглушая всех свирепым жутким воплем, воплем каннибальского духа: «Хап! Хап! Хап!»

Выпрямившись в полный рост, гамацу, танцуя, делал стремительные большие прыжки вперед и в стороны, бросая свое тело во все углы хижины. Дрожь не покидала его. На этом этапе к нему присоединялась Кинкалалала. Повторяя тот ритуал, в лесной хижине, когда к ним пришли ветераны, чтобы полакомиться своей долей человеческой плоти, она танцевала, двигаясь спиной назад с протянутыми вперед руками, словно, как и тогда, несла на них труп, тем самым символически указывая новому гамацу, что мертвец еще ждет его, ждет, когда его начнут есть.

Заметив ее жесты, гамацу все более и более возбуждался, распаялся, бросаясь стремительно к ней, чтобы схватить невидимый труп, который она якобы несла на вытянутых руках.

Во время танцев на новом гамацу побрякивали символические украшения, но почти все время он танцевал нагим, и лишь на завершающих стадиях танца кто-то набрасывал ему на плечи одеяло. Голову его, как шею и талию, стягивали обручи, браслеты на руках и лодыжках были сделаны из тех же веточек болиголова, который использовался в церемониальном ритуале для нейтрализации разложившихся частей трупа, предназначенного для употребления в пищу. Лицо у нового гамацу почти все было покрыто черной краской. Но красные полосы протянулись от уголков губ к мочкам уха. Даже эти красные полоски имели символическое толкование – они представляли собой части тела вновь обращенного гамацу, которые якобы были от него оторгнуты во время пребывания в лесной берлоге главного духа Баксбакуаланксивы. Они ясно указывали, что отныне этот новоявленный гамацу намерен питаться только человеческой плотью, как и его учитель, дух племени, как и все его предки, которые отождествляли себя с ним.

Теперь новый гамацу был полностью признан соплеменниками и принят ими. Но ему все еще предстояло как следует адаптироваться к жизни своего племени или клана в полном соответствии с его обычаями, а это становилось все сложнее и сложнее с каждым новым поколением индейцев.

Первые четыре дня после возвращения из леса и после вечера церемониального танца ему предоставлялась полная свобода. Он мог, словно безумный, бегать по деревне, откусывая у своих соплеменников по куску плоти от любой части тела. Но после такого краткого периода ничем не сдерживаемой активности он сталкивается с первым из множества сложных табу. Сам гамацу и его помощница Кинкалалала должны были по очереди посетить четыре отдельные хижины и там беспрекословно есть то, что будет им предложено. Каждая из таких трапез повторялась четырежды.

Теперь выдвигался целый ряд условий перед тем, как ему будет позволено есть человеческую плоть, независимо от того, жертва ли это, специально убитая для него, или же труп, снятый с «похоронного дерева».

Например, проглотив последний кусочек мяса, он должен был запить его обильным количеством соленой воды, чтобы тем самым вызвать рвоту. Все проглоченные им куски должны быть налицо, как вы, вероятно, помните, ему запрещалось жевать их или разрезать

на части. Кусочки должны были внимательно пересчитать. Если их не хватало, то строго обследовались его экскременты, чтобы убедиться, что в организме у индейца не осталось ни одного кусочка проглоченного мяса. Тщательно пересчитывались также и кости трупа, съеденного гамацу. Их сохраняли в укромном месте в течение четырех лунных месяцев. Обычно их хранили в хижине, в северном ее углу, причем так, чтобы на них не падал солнечный свет, а потом точно такой же период времени в яме, специально вырытой под скальными породами в том месте, где их омывал источник соленой воды. Каждые четыре дня потайное место менялось, а в конце четвертого лунного месяца кости на каноэ отвозили подальше по реке, туда, где поглубже, и выбрасывали.

В таком племенном обряде явно ощущается чувство вины; гамацу совершал то, что когда-то делали дух их племени Баксбакуаланксива и его собственные предки, как далекие, так и близкие. В то же время ему предстояло очиститься от причиненного им зла. Одним из способов такого очищения была соленая вода.

Были еще и другие, менее значительные табу. Все действия гамацу, даже самые личные и интимные, подвергались строгому контролю. Например, если наступало время для дефекации, то за этим процессом обязательно должны были наблюдать несколько других гамацу-ветеранов. Он должен был выходить из хижины через черный ход. Он, как и его спутники, должен был держать в руках палку из определенной породы дерева, садиться или вставать одновременно с присущей для такого случая церемониальностью. Возвращаясь домой, нужно было перекрестить порог правой ногой и не оглядываться, покуда не окажешься внутри.

В течение четырех месяцев после своего обращения гамацу должен был носить на себе испачканный в земле кусок коры кедра (если вы помните, кусок такой коры находился в том доме на горном склоне, где жил Баксбакуаланксива). Ему предстояло жить в полном одиночестве, а один гамацу, играя роль медведя-гризли, постоянно находился у порога его хижины, чтобы не допускать к нему никаких посетителей. Он должен был есть из посуды, до которой не дотрагивался ни один член его клана.

По истечении четырехмесячного периода миска с ложкой выбрасывались, и никому в племени не разрешалось их искать.

Когда гамацу хотел пить, то должен был зачерпнуть миской воды из ручья, причем делать не больше четырех глотков за один раз. При нем в таких случаях была косточка из орлиного крыла, через которую он пил, чтобы не касаться миски губами, которыми он обсыывал куски человеческого мяса. Для вычесывания насекомых из волос предназначалась особая палочка.

В течение шестнадцати дней после того, как новичок-гамацу начал есть человеческую плоть, ему не разрешалось употреблять в пищу любую другую теплую еду, запрещалось дуть на нее, чтобы остудить ее таким образом. Все это время ему запрещалось работать и иметь половые сношения с женщиной. Это жесткое табу, конечно, было труднее всего соблюдать!

При наличии такого множества самых разнообразных запретов у гамацу мог вполне естественно возникнуть вопрос: не лишают ли его эти строгие табу всех положенных ему привилегий?

Индейцы племени квакиутль утверждают, что практика каннибализма стала у них общепринятой около ста пятидесяти лет назад. Путешествовавшие по их территории белые становились очевидцами их церемониальных танцев, и двое из них, Хант и Моффат, привезли с собой первые сведения об их обрядах и обычаях. Они рассказывают, что иногда специально для гамацу убивали рабов, а иногда гамацу довольствовались лишь кусками мяса, которые зубами выхватывали на ходу с тел своих соплеменников, – обычно с груди или мускулистых плеч хорошо физически развитых индейцев.

Так, они рассказывали об одном случае ритуального убийства возле форта Руперта. Один из индейцев племени квакиутль подстрелил на берегу беглого раба. К нему кинулись все индейцы, включая и «танцоров-медведей» из числа гамацу. Ножам они быстро расчленили тело и, окружив рассеченный труп, сидя на корточках, оглашали окрестности страшными воплями: «Хап! Хап! Хап! Хап!».

Двое белых, Хант и Моффат, издали наблюдали за этой людоедской сценой, не осмеливаясь вмешиваться. «Танцоры-медведи» разрывали зубами еще теплую, трепещущую плоть и, подражая походке гризли, обносили своих сотрапезников мясом по порядку старшинства. Жена убитого раба в это время находилась в форте Руперта. Она тоже, как и Хант с Моффатом, неотрывно следила за кровавой расправой над ее мужем, будучи не в силах им помешать.

Но у нее было оружие, которым не располагали белые люди. Она могла проклясть гамацу.

– Я даю вам всего пять лет жизни, – визжала она со стены форта. – Дух вашего танца силен, но мой дух куда сильнее. Вы убили моего мужа, разрезали его на части ножами, я же всех вас убью своим злым языком.

Как ни странно, но ровно через пять лет после этого кровавого инцидента все индейцы, которые принимали участие в варварской вакханалии, умерли. В память о таком мрачном случае на скале, рядом с которой проходило это людоедское пиршество, было высечено подобие маски Баксбакуаланксивы.

Традиции умирают с трудом. Однажды гамацу потребовал для себя рабыню – пусть, мол, она для него станцует. В ужасе глядя на него округлившимися глазами, та с дрожью в голосе сказала:

– Ладно, я станцую. Но только не нагуливай аппетита, глядя на меня. Не ешь меня!

Едва она закончила, ее хозяин, индеец из этого племени, топором раскроил ей череп, гамацу тут же набросился на угощение. Этот гамацу жил еще в конце XIX века и, когда его расспрашивали об этом случае, сознался, что женскую плоть очень трудно жевать, гораздо труднее, чем высушенную плоть мужских мумифицированных трупов, хранившихся на деревьях. Ими гамацу всегда мог легко насытиться. Он также подтвердил, что каждый проглоченный кусочек нужно было запивать соленой водой – такова была обычная практика. Во всех каннибальских племенах индейцы остро затачивали зубы, чтобы эффективнее управляться со своей каннибальской едой.

Существуют различные варианты людоедской практики, когда гамацу, возвратившись из своей добровольной ссылки, словно помешанный, носился по деревне, откусывая у своих соплеменников куски живой ткани. Иногда он приносил труп с собой. Это обычно был труп либо раба, либо какой-то жертвы, попавшейся ему на пути. Он убивал ее только ради такой цели. Завершив ритуальный танец, он съедал часть трупа, но так как это был его первый труп после его обращения, то он готовился к этой церемонии очень тщательно. Следует отметить в связи с этим одну весьма важную для индейцев деталь: прежде нужно было содрать кожу с лодыжек и запястий, так как у племени квакиутль считалось, что нельзя есть ни человеческих рук, ни ног: это вызовет почти мгновенную смерть. Здесь мы видим существенное различие в индейских обрядах. Если для квакиутль руки и ноги человека были табу и их есть запрещалось, то у людоедов в амазонских джунглях, напротив, они считались деликатесами и предназначались для высших членов племени.

К концу XIX века эта варварская практика среди индейцев племени квакиутль подверглась большим изменениям. Если сам церемониал оставался прежним, то теперь все большую роль играли символические действия. Например, гамацу уже не откусывал у своего соплеменника кусок плоти с груди или плеча. Вместо этого он мог схватить зубами кожу жертвы и неистово, до крови, сосать ее. Потом, острым ножом отхватив кусочек кожи, он

делал вид, что проглатывает его. Но вместо этого он незаметным жестом прятал его в волосах за ухом, где тот и находился до окончания ритуального танца, после чего кусочек кожи возвращался его владельцу, чтобы успокоить его, убедить, что часть его плоти не будет впредь использована для колдовства.

Это было начало конца. Тех ужасов, которые творились в доме Баксбакуаланксивы на горном склоне, больше нет, все эти дикие обычаи ушли в прошлое. Теперь индейцы некогда страшного племени квакиутль исполняют просто ритуальный танец, движения которого не вызывают никакого страха – теперь это просто безобидная пантомима.

Глава 5

Кровожадность в дебрях Амазонки

Что общего между такими людьми, как знаменитый французский писатель-моралист Мишель Монтень, не менее известный французский писатель-реалист Гюстав Флобер и художник-график Теодор Жерико? На этот вопрос возможны два ответа: одно и то же место, одна и та же тема. Место – это город Руан с его Сенной, впадающей в Атлантический океан, откуда началась эпоха Великих географических открытий, связанная с Большими и Малыми Антильскими островами и Бразилией. Впоследствии, добившись сытного буржуазного благополучия, он отгородился от остальной страны излучиной своей реки и философскими идеями. Тема – это каннибалы, явившиеся сюда в качестве посланников поистине Нового Света, высадившиеся здесь среди бревен, тюков с хлопком и мешков, набитых пухом и пером. Они оказались здесь, в этом городе, в самой глубине Нормандии, на едва заметном пороге океана, от которого сюда доносятся лишь слабые, чуть слышные его ворчания, нарушающие здешнюю первозданную тишину. Первая встреча произошла в 1562 году. Руан только что отбит королевской армией у протестантов. Прорвавшись через брешь в стене возле порта Сент-Илэр, французские войска под командованием герцога Франсуа де Гиза и коннетабля Анн де Монморанси в течение суток разграбили город. Потом в продолжение нескольких недель шли казни еретиков, которые целых полгода безраздельно господствовали в этом городе. Началось сведение счетов. Когда наконец все успокоилось, сюда пожаловали повелители Франции: двенадцатилетний король Карл IX и его мать, всемогущая Екатерина Медичи. Вскоре там объявился и Монтень.

И вот на фоне завоеванного после долгой борьбы, полуразрушенного города происходит событие, лишь на первый взгляд ничтожное, не заслуживающее внимания: только что доставленные из Бразилии каннибалы с кислыми физиономиями разглядывают Европу, гордящуюся своей высокой цивилизацией, о которой им столько раз талдычили миссионеры, прославляя на все лады ее достоинства. К ним, однако, проявляют повышенный интерес, оказывают всевозможные знаки внимания. Сам король, оказывая дикарям честь, принимает их у себя, долго беседует с ними. Перед их глазами – все великолепие королевских апартаментов, вся роскошь королевского двора, этот красивый город, скорее то, что от него осталось после месяца осады и испытаний. Но они едва удостаивают все это небрежным, критическим взглядом. Никаких восторгов, никакого восхищения – лишь удивление и сомнение. От их ответов их королевское величество испытывает только смущение. Они его озадачивают. А дикари с удивлением разглядывают этого юного короля, совсем мальчишку, и, указывая на соседство бедняков с богачами, спрашивают, почему «те терпят такую несправедливость», почему они не хватают богачей за горло, не предают огню их роскошные дома.

Монтень и сам идет на риск, пытаясь поговорить с ними. Но его вопросы в отличие от короля носят политический характер, словно он по своей воле оказался на их территории, чтобы стать представителем каннибалов здесь, во Франции. Его одолевает любопытство. Ему ужасно хочется знать, как функционирует монархия у дикарей. Каковы привилегии короля Бразилии? Первым идти в бой, отвечают ему. Сколько воинов в его армии? Четыре или пять тысяч – столько, сколько могут заполнить свободное пространство, отвечает ему вождь, обводя широким жестом вокруг себя. Матросы называют его «королем». Какие почести кроме воинских ему оказывают? Когда он посещает свои деревни, то местные жители вырубают в густом лесу для него специальные тропинки, чтобы он смог беспрепятственно по ним передвигаться...

Это были каннибалы, индейцы племени тупинамба, и они уже не раз приезжали в Руан.

Племя тупинамба – одно из самых крупных в Бразилии, его владения протянулись по океанскому побережью от того места, где ныне находится бывшая столица Рио-де-Жанейро, к северу, вплоть до устья реки Амазонки. Это племя является составной частью более обширной языковой группы индейцев, известной под названием просто тупи. Тупинамба славились своими странными формами человеческих жертвоприношений. Все их описания в основном относятся к XVI веку, когда португальцы, выбиваясь из сил, пытались завладеть этой, казалось, нескончаемой прибрежной полосой Бразилии.

Первая экспедиция сюда состоялась в 1500 году, а первые контакты тупинамба с португальцами относятся к 1511 году. Но и столетие спустя, в 1618 году индейцы все еще оказывали сопротивление португальцам на севере страны. Португальские конкистадоры в отличие от своих испанских коллег, действовавших в Мексике и Перу, не могли рассчитывать на молниеносную победу. В Бразилии не было единой монархии, и поэтому захват одного, даже самого могущественного монарха, ничего, по сути дела, победителю не давал. Обезглавив одно племя, приходилось вести такую же ожесточенную войну со следующим, потом с другим.

Об их диких обычаях рассказывали сами португальцы, а также многие путешественники из других стран, которым приходилось побывать в числе пленников и пережить немало неприятного в ожидании своей дальнейшей судьбы.

Среди них особое внимание привлекает немецкий канонир Ганс Штаден, которого индейцы захватили в 1552 году возле порта Сантос. Ему первому из европейцев предстояло испробовать на собственной шкуре, что такое человеческое жертвоприношение, но ему удалось избежать смерти только потому, что он искусно симулировал зубную боль, а индейцы опасались убивать и есть таких людей. После этого ему посчастливилось сделать несколько удачных предсказаний, что позволило ему стать официальным оракулом этого племени – слишком дорогое приобретение, чтобы его безжалостно убивать. Англичанин Энтони Найвет был превращен индейцами в раба, и ему несколько раз удавалось убежать от них за несколько минут до ритуального убийства. Наконец дикари сделали его своим военным советником. Другой англичанин, Питер Гардер, добился их расположения, став хранителем военного арсенала.

Но самые полные рассказы о жизни бразильских каннибалов поступали от французских клириков, которые начали странствовать по Бразилии очень давно. Так, францисканский монах Андре Теве оставил нам серьезное исследование индейской религии, а капуцины Ив Ивре и Клод д'Абевиль составили подробные описания жизни и обычаев бразильских индейцев. Подобная евангелизация дикарей, конечно, всегда была связана с большим риском. Так, в 1556 году корабль первого епископа Бразилии Перо Фернандеса Сардиньи разбился у берегов этой страны – сам епископ, два канонира и две дамы знатного происхождения вместе со ста другими белыми людьми были раздеты догола, принесены в жертву богам и съедены.

Несмотря на подобный конфуз, бразильские туземцы владели какой-то особой аурой, заставляющей уподоблять их образу благородного дикаря, и это происходило задолго до того, как в мире стало известно о таитянах. Такие монолитные империи, как империи ацтеков и инков, производили должное впечатление на конкистадоров и вызывали у них отвращение. Более раздробленные, дружелюбные бразильские племена пользовались у них совершенно иным отношением. Монтень долго разговаривал с тремя тупинамба в Руане. В своем очерке «О каннибалах» он использовал все достоинства тупинамба, чтобы подвергнуть язвительной критике французское общество. Во Франции вскоре начался настоящий культ бразильских индейцев тупинамба. В 1550 году возле Руана в честь визита в город французского короля Генриха II и его супруги Екатерины Медичи на лугу даже были устроены искусствен-

ные джунгли для привезенных из далекой Бразилии дикарей вместе с диковинными попугаями и обезьянами. В празднествах принимали участие три сотни обнаженных дикарей.

Руан. 1853 год. Гюстав Флобер может считать 26 декабря вполне удачным днем – он побывал у своего врача, парикмахера, посетил любовницу, своего приятеля Луи Буйе и, конечно, «дикарей». Но эти – далеко не те, которых привозили сюда триста лет назад. Все тупинамба за последние десятилетия были почти поголовно уничтожены, и теперь вместо них демонстрировались кафры из Южной Африки, туземцы со свирепыми нравами. Капитализм, по-видимому, дал знать о себе и там. Теперь это не были пропитанные духом свободы собеседники, которых удостоил своим вниманием сам король Франции, а лишь жалкая кучка волосатых животных, издающих нечленораздельные крики, сгрудившихся, словно обезьяны, возле горшка с жарким. Они и не помышляли о встрече с представителями местного светского общества. Спектакль теперь предназначался для простых работяг или для романтиков – любителей экзотики. Монтень разглядел в бразильских туземцах благородство и рыцарство. Флобер увидел в них лишь толпу «примитивных» людей, один только внешний вид которых внушал ему почти священный ужас. «Мне казалось, я вижу первых людей на земле. Они все еще прыгали вместе с жабами, ползали вместе с крокодилами». Ни о каком разумном диалоге с ними и мечтать не приходилось. Так как у кафров нет даже рудиментарной политической организации, то все общение с ними ограничивалось лишь поблескиванием глаз и странными телодвижениями. Диалог, который когда-то у Монтеня был философским, сейчас превратился в шутовское подмигивание.

И Монтень, и Флобер говорят о трудностях, которые они испытывали при общении с туземцами. Монтень клянет своего переводчика, упрекая его в тупости, которая помешала ему как следует пообщаться с бразильцами-каннибалами. У Флобера то же самое, только по другой причине. Говорить-то с ними, в общем, не о чем. Как изменились туземцы за последние два века! Монтень обожал своих бразильцев, даже пригласил нескольких каннибалов к себе домой, где угощал их чаем. Флобер же не имел подобного желания, кроме какого-то смутного сексуального влечения к их странным женщинам. Да, за это время произошло столько событий, которые сильно испортили отношения Запада с туземцами. И личность самого дикаря стала совершенно иной. Уже нет прежнего бразильца со смуглой кожей, свободного человека в свободной меновой экономике. Теперь ему на смену пришел чернокожий потенциальный раб, представляющий сам собой живой товар, который можно продать на рынке.

Образ кафра можно уподобить облику негра, изображенного на знаменитой картине Жерико «Плот «Медузы»». Большой корабль «Медуза» 5 июля 1816 года затонул в открытом море, и спасшиеся на спущенном в воду плоту смогли выжить только благодаря тому, что съели одного из товарищей по несчастью. Жерико, как и Флобер, родился в Руане и, конечно, знал об устраиваемых там время от времени «выставках» туземцев. Когда он узнал о кораблекрушении «Медузы», он для своей картины воспользовался представлениями о каннибалах, поместив среди жертв кораблекрушения четырех негров, которые первыми приступают к откровенному каннибализму.

В истории приемов, оказываемых в Европе каннибалам, можно заметить определенное сходство между христианским представлением о мистическом теле и выбором наиболее благоприятной для дикаря гипотезы – ритуала мести, в котором голод, потребность в пище отходят на второй план. Такова, в сущности, стратегия всех миссионеров, от Бразилии до Канады, которые стараются опровергнуть всеми доступными способами гипотезу о каннибализме как о жизненной потребности, заменив ее спасением души индейца, которая еще сильнее затемнена злостными проделками Сатаны.

Но как сделать правильный вывод? Как точно описать повадки, обычаи и обряды бразильских каннибалов, если эта обширная страна до сих пор еще толком не исследована из-за труднодоступности некоторых ее частей.

Судите сами.

Один только бассейн реки Амазонки занимает площадь величиной почти в три миллиона квадратных миль, по которой протекает полноводная река длиной четыре тысячи миль с такими многочисленными притоками, которые и сосчитать невозможно, не говоря уже о том, чтобы обследовать и дать им свое название. Возьмите другой регион – Матту-Гроссу, расположенный далее к югу, в котором полно своих опасностей, своих преград. И третий, Гран-Чако, расположенный на аргентино-парагвайской границе. Пятьдесят тысяч квадратных миль территории непроходимых джунглей, болот и сообщающейся водной системы. В Южной Америке такие регионы, как Бразилия, фактически не позволяют до сих пор правильно полностью нанести их на карты. До сих пор многочисленным экспедициям не удалось открыть их тайны. Множество их поглотила бездна, как, например, произошло с полковником Фосеттом и его спутниками.

Вполне вероятно, что где-то за этими непреодолимыми преградами, за обширными болотами и быстрыми речками, густыми джунглями люди продолжают жить так, как когда-то жил доисторический человек.

Информация, полученная из этих мрачных, страшных регионов, носит куда более фрагментарный характер, чем сведения, доставляемые также из довольно опасных территорий Земли, таких как бассейн реки Конго, отдельные части Нигерии и темные закоулки Восточной Африки. В этих регионах было создано совсем немного религиозных миссий, но даже из них до настоящего времени выжили одна-две. Всего нескольким журналистам, таким как Г.У. Бейтс, удалось изучить небольшой участок Амазонии и написать и издать «Путешествия натуралиста по Амазонке». Десять лет спустя другой, не менее известный, натуралист Рассел Уоллес вместе с Чарльзом Дарвином, изобретателем принципа естественного отбора, опубликовал небольшую книгу под названием «Путешествие по Амазонке». Все это происходило более ста лет назад, и, хотя с тех пор в этом регионе мира побывали куда лучше оснащенные экспедиции, все равно над этими местами висит какое-то проклятие, там существует некая непроницаемая тайна, как зловонные миазмы, идущие из вонючих болот и густого подлеска, протянувшихся на тысячи квадратных миль.

Около пятидесяти лет назад член Королевского географического общества А.Г. Кин создал, все назвав собственными словами, правдивую картину региона, расположенного в восточной части Перу, где течет река Укайали, на границе с Бразилией, впадая потом в Амазонку.

«Племя амаюка, живущее на берегах реки Укайали, возле перуанской границы, неоднократно обращали в христианство, и всякий раз дело заканчивалось насильственной смертью миссионеров. А члены племени кашибо, тоже живущего на берегах этой реки, поедают своих престарелых родителей, но делают это скорее из-за религиозных чувств, чем из-за простой жестокости. Однако религия не имеет ничего общего с их привычкой имитировать крик дичи, потом умерщвлять охотников, позволять их трупам разлагаться, а потом их поедать.

До обращения в христианство среди индейцев племени кокома из района Уалага, перебравшихся теперь на берега Укайали, существовала практика поедания своих мертвых родственников, а также обычай выпивать специально приготовленные напитки с измельченными в порошок их костями. По всеобщему поверью, родственнику куда уютнее в теплом теле друга или родственника, чем в холодной земле, в могиле. Еще более ужасные вещи рассказывают о тупинамба, тапуя и ботокудах».

Когда Кин добрался до южной оконечности Перу, до ее границы с Бразилией и Боливией, осуждение им обитателей этого региона приняло особенно гневную форму: «За гра-

ницами тех земель, где живут «ирокезы юга», как иногда называют ауков Южного Перу, все погружено во мрак, повсюду видны следы запустения. Человек человеку волк! Таков процветающий здесь лозунг. «Охота за черепами», каннибализм в его самой отталкивающей форме, грубое, скотское обращение с женщинами и детьми с особой силой проявляются среди жителей Амазонии и бразильских аборигенов».

В его описаниях чувствуется нечто очень религиозное, евангелическое. И кажется, он подобен отважным миссионерам, таким как Хант и Карджил, которые писали о туземцах островов Фиджи. Но его книга появилась относительно недавно.

Рассел Уоллес, писавший более ста лет тому назад, был действительно весьма наблюдательным натуралистом, он не позволяет себе проявлять и тени эмоциональности, когда сухо пишет о некоторых обычаях, бытующих у амазонских племен, с которыми ему довелось вступать в контакт.

«Почти всегда они хоронят своих мертвых дома, вместе с их браслетами, кисетом для табака и прочими безделушками и украшениями. Они хоронят умерших в тот же день, когда наступила смерть. С этого момента до погребения родственники и родители носят траур по усопшему, не прекращая рыданий. Через несколько дней приготавливают громадное количество «каксири», и все друзья и родные умершего приглашаются на поминки; все гости плачут, поют и танцуют, чтобы почтить тем самым память о нем. В некоторых больших домах можно насчитать до сотни могил, ну а если дом маленький, то могилы роют и во дворе».

Индейцы племен тариана и тукано, как и некоторые другие племена, через месяц после смерти расчлняют уже разложившийся к этому моменту труп, который кладут в большую кастрюлю и варят на огне, покуда из трупа не выварятся все летучие вещества с чудовищной вонью и не останется черная углевидная масса, которую потом тщательно растирают в порошок и помещают в несколько больших чанов, сделанных из ствола выдолбленного дерева, которые заливают изрядным количеством «каксири». Затем это выпивается всей компанией. Они считают, что таким образом им передаются все достоинства почившего родственника. Индейцы племени кабеуш и ваупеш – настоящие каннибалы. Они едят членов чужих племен, которых убивают в бою, кроме того, они специально затевают войны, чтобы обеспечить себя достаточным количеством человеческого мяса. Если у них оказывается слишком много сырья и они не в силах все съесть сразу, то коптят трупы, чтобы сохранить их в течение длительного времени впрок. Эти индейцы сжигают своих мертвых и их пепел смешивают с «каксири» точно так же, как это делают индейцы тариана и тукано. Г.У. Бейтс в своей книге «Путешествия натуралиста по Амазонке» пишет о племени мажерона, которое живет на территории протяженностью несколько сотен миль по западному берегу реки Джауари, одного из самых полноводных притоков Амазонки, протекающего неподалеку от границы с Венесуэлой: «Это свирепые, неукротимые, враждебно настроенные люди, как и арары. Они тоже каннибалы. Плавание по реке Джауари – практически дело невозможное, так как в кустах на берегу повсюду в засаде сидят мажероны, поджидая путешественников. Они их сразу хватают и тут же убивают, особенно белых.

За четыре месяца до моего приезда два молодых парня смешанной расы (почти белые) отправились на реку Джауари, чтобы там поторговать, так как последние полтора года маджероны не проявляли особой агрессивности. Через пару дней после их ухода стало известно, что индейцы убили их стрелами, а трупы их, поджарив, съели...».

Миссионерскому обществу Южной Америки на самом деле удалось, правда, на короткое время, организовать свою миссию в районе с менее враждебно настроенными индейцами в Эль-Гран-Чако. Один из священников, по имени У. Барброк Граб, обычный шотландский миссионер, стал настоящим пионером-исследователем в этой вселяющей ужас местности. Около тридцати лет назад он выпустил книгу, в которой рассказал о своем опыте первопроходца. Он вносит в свое повествование прозорливость истинного ученого, знающего во всем

меру, что не может не способствовать большей убедительности того, о чем он пишет: «Хотя каннибализм в настоящее время в Чако не практикуется, у местных жителей полно историй об этом. Это либо вымышленные, либо подлинные рассказы о каком-то далеком племени. А может, дает о себе знать давно забытый обычай. Эти каннибалы, судя по всему, живут на дальнем Западе, и там среди выходцев племени гуарани такая практика все еще в ходу. Приведу вам один из таких рассказов. Три склонных к авантюрам представителя племени ленгуа, пожелав узнать, что находится к западу от их земель и какие люди там живут, отправились туда, чтобы самим во всем убедиться. Их путешествие продолжалось несколько месяцев, и вот неожиданно они встретились с двумя мужчинами, которые приветствовали их в весьма дружелюбной манере. Хотя они и не понимали их языка, но догадались, что те хотят пригласить их в гости в свою деревню. Они им делали какие-то знаки, и трое любопытных путешественников отправились за ними следом. Когда они приблизились к деревне, в нос им ударил тошнотворный запах, что немало их удивило. Тамошние жители сердечно встретили их, накормили, предложив такую пищу, которой прежде им есть не доводилось. Хотя все индейцы были очень миролюбиво к ним настроены, повсюду в этой деревне было что-то такое странное, необъяснимое, от чего гостям становилось не по себе, вызывало безотчетные подозрения. Они не могли объяснить, почему чувствуют себя не в своей тарелке, почему им так неловко, почему они ведут себя столь неуверенно. С наступлением сумерек все население деревни – мужчины, женщины и дети – покинуло деревню. Они пошли за дровами, которые заранее заготовили в лесу. Кроме того, женщины с детьми решили еще натаскать из реки воды. Трое путешественников из племени ленгуа давно заметили несколько высоких глиняных горшков, стоявших на огне. В них что-то варилось. Не в силах преодолеть любопытство, они, очутившись в одиночестве, решили осмотреть содержимое горшков. Подойдя поближе к одному из них и заглянув в него, путешественники, к своему ужасу, обнаружили пальцы человеческой руки, выступавшие из варившегося куска мяса. Помешав в горшке концом лука, они обнаружили там еще и человеческую ногу. В следующем горшке они увидели голову человека. Придя в ужас от такой страшной картины, они со всех ног кинулись в лесную чащу, а оттуда напрямиком направились домой».

Граб добавляет, что, хотя ему приходилось слышать множество подобных историй, у него есть все основания полагать, что сами индейцы региона Гран-Чако каннибализмом не занимаются. Такая практика не чужда, скорее, индейцам племени чиригуано, на границе с Эль-Чако, и об их привычках и обычаях чако хорошо знали.

Граница между Бразилией и Северным Перу проходит как раз по реке Джауари, в том месте, где она шире всего. Это один из притоков реки Амазонки, и данный регион считается самым опасным и труднопроходимым.

В этой местности около ста лет назад появился исследователь Альгот Ланг, который хотел все сам изучить досконально. Нельзя сказать, что он ничего не знал об этом районе – здесь до него уже побывали несколько экспедиций, организованных синдикатами по производству резины, ибо как раз тут были найдены деревья, дающие сырье для ее изготовления. Большие фирмы продолжали свою разведку, хотя семена таких деревьев уже были давно вывезены из Бразилии в Англию, где из них вырастили саженцы, которые впоследствии были отправлены в Малайзию и Индонезию. Сообщения об условиях, в которых проходили подобные экспедиции, не оставляли у Ланга никаких сомнений на сей счет. Но все же Ланг под влиянием минуты принял решение присоединиться к одной из таких экспедиций и написал о своем исследовательском опыте подробный отчет. Змеиные укусы, неизлечимая «бери-бери», тропическая лихорадка и враждебно настроенные индейцы стали фатальными для многих его спутников и чуть ли не стоили жизни ему самому.

«У меня не оставалось и проблеска надежды, а я уже давно не верю в чудеса. Восемь дней подряд у меня нечего было есть – я приканчивал остатки зажаренной на костре обе-

зьяны, подстреленной молодыми индейцами. Лихорадка вытрясала из меня душу. Я остался совершенно один: вокруг – на тысячи и тысячи миль ни одной живой души, абсолютно дикая, первозданная природа, непроходимые джунгли. Я несколько цинично размышлял о цепкости жизни, о той цепочке, которая еще связывала меня с живыми, и только теперь я целиком осознал, что значит для человека борьба за существование, особенно для такого, как я, загнанного в безвыходное положение. Я был уверен, что мне – конец.

Всю ночь напролет я полз, полз на карачках, через густой пролесок, не имея четкого представления, в каком направлении я двигаюсь. Любой попавшийся на моем пути зверь мог положить конец всем моим страданиям. Но сырая утренняя свежесть в этих местах оказывала на меня благотворное влияние и восстанавливала не только физические, но и душевные силы. Моя одежда превратилась в лохмотья, а колени – в два огромных синяка...

Мне показалось, что я вижу людей, много людей – мужчин, женщин, детей, большой дом. Вижу попугаев в ярком оперении, слышу их гортанные, пронзительные вопли. Громко закричав, я упал вперед. Маленькая курчавая собачка принялась лизать мне лицо. И тут я провалился – память мне отказала...

Я очнулся в удобном гамаке в большой темной комнате. Я слышал чьи-то голоса. Ко мне подошел какой-то мужчина и молча уставился на меня. Я не знал, где я, и мне казалось, что все это происходит со мной не наяву, что я в бреде или сошел с ума. Когда я вновь открыл глаза, то увидел перед собой женщину – она склонилась надо мной, держа в руках тыкву с куриным бульоном. Я медленно выпил его, не чувствуя никаких мук голода, не зная, не будучи уверенным до конца, жив я или уже мертв.

Только на пятый день, как мне сообщили потом, я начал приходить в себя. Оказывается, я нахожусь в «малоке», в деревне племени манжерона, этих известных и свирепых каннибалов.

Когда я смог стать на ноги и немного передвигаться с помощью двух женщин, меня отвели к вождю племени. Это был хорошо упитанный крепкий мужчина, и его наряд значительно отличался от остальных соплеменников. На лице у него блуждала приятная, добродушная улыбка, он постоянно обнажал ровные ряды остро заточенных зубов. Хотя его улыбка вселяла в меня уверенность в благоприятном исходе дела, я не мог отделаться от тревожной мысли, что я – среди страшных каннибалов, репутацию которых в этом регионе бассейна Амазонки никак не назовешь безупречной».

Он вспоминает, что эти люди знаками дали ему понять, что он может оставаться у них, пользуясь их гостеприимством, сколько ему будет угодно.

«Прежние способности возвращались ко мне, и я, глядя на этих туземцев, нашел, что они в самом деле странные люди. У каждого индейца в носу были вставлены два пера – издали их можно было принять за усики. На вожде был длинный, до колен, наряд из перьев. На женщинах вообще не было никакой одежды, только деревянное кольцо овальной формы, проткнутое через нижнюю губу, и разукрашенные замысловатыми узорами лица, руки и туловища. Они предпочитали алую и черную краски, которые добывали из особых растений.

Я очень скоро понял, что не имею права отказываться от любого поставленного передо мной блюда, каким бы отвратительным или тошнотворным оно ни было. Однажды сам вождь пригласил меня к себе домой, чтобы угостить обедом. Меню состояло из нежной жареной рыбы, которая мне очень понравилась; за ней принесли трех жареных попугаев, зажаренных с бананами, что, в общем, тоже было не так плохо, но когда подали суп, меня чуть не стошнило – я просто не мог сделать ни глотка. Я чуть не задохнулся от этого угощения.

Мясо в этом супе было жестким и, по-видимому, давно протухло, а травы для приправы были такими горькими, издавали такой дурной запах, что у меня тут же связало все во рту и я не мог сделать ни одного глотательного движения. Вождь, бросив на меня недовольный

взгляд, нахмурился. И тут я вспомнил те дни, которые провел в джунглях, страшные муки голода, свою жизнь, висевшую на волоске. Плотнo зажмурив глаза, я заставил себя проглотить тарелку супа, призывая на помощь самовнушение. Хотя я с уважением относился к этим импульсивным, неразумным детям лесов, я знал, насколько они беспощадны, стоит лишь нанести им легкую обиду. Жизнь моя зависела теперь только от них...

...Очень скоро у меня появились доказательства того, в чем я сильно подозревал своих спасителей: индейцы племени манжерона до сих пор еще каннибалы. В это время в их довольно незамысловатые, но тем не менее смертоносные ловушки, ставить которые в джунглях они большие мастера, угодили двое перуанских «кабокло», индейцев смешанной расы. Их трупы, обнаруженные патрулем, были доставлены в «малоку», где в связи с этим предстояло организовать большой праздник, связанный с каким-то непонятным религиозным обрядом.

Прежде всего трупам отрубили руки и ступни, после чего все индейцы собрались у своего вождя. Он, казалось, был очень доволен тем, что происходит, и, постоянно кивая головой, улыбался. Он говорил очень мало. Как только аудиенция у него была закончена, вся община начала подготовку к празднику. Были приведены в порядок места для костров, вымыты горшки и кувшины, а за этим последовала процедура, которая привела меня в ужас. Мне ничего не оставалось, как улизнуть оттуда, забраться поскорее в свой гамак и притвориться спящим, – я знал еще с того обеда у вождя, что меня непременно заставят принять участие в чудовищной трапезе – разделить с ними это угощение из человеческой плоти. Мне было за глаза достаточно понаблюдать за тем, как они сдирают мясо с ладоней рук и ног и как очищают эти «деликатесы» в жире тапира.

Когда я увидел, как нетерпеливо они толпились возле костров, заглядывая в горшки, не поспело ли мясо, у меня в голове возникла леденящая душу мысль. Ведь они запросто могут поддаться соблазну и отправить в эти горшки рассеченное на куски мое тело...».

Таковы современные наследники тех «благородных», по выражению Мишеля Монтеня, бразильских каннибалов. Вернемся к их предкам, индейцам племени тупинамба. В отличие от ацтеков с относительно развитой государственностью, тупинамба были племенем с простыми институтами. Они главным образом возделывали землю, выращивая на ней маниоку, главный продукт их питания. И все же, хотя и те и другие жили в разных концах обеих Америк, между ними существует сходство в формах религиозного жертвоприношения. Как индейцы тупинамба, так и ацтеки старались в бою не убивать врагов, а захватывать их в плен. У тех и у других существовал тщательно разработанный ритуал пленения; те и другие ублаживали жертву показной «демонстрацией» своей любви и благожелательности; те и другие придавали жертвоприношению подобие гладиаторского поединка, когда жертве, привязанной, правда, веревкой, давали возможность обороняться от наступающих с помощью «потешного» оружия или метательных предметов. Пленники тупинамба, как и у ацтеков, должны были безропотно служить своему хозяину, тому воину, который их захватил на поле брани, и добровольно принять смерть. Можно сослаться на множество примеров, когда пленники предпочитали ритуальную смерть перспективе их выдачи свирепым португальцам.

Когда воин тупинамба захватывал пленника, он, похлопав того по плечу, обычно заявлял: «Будешь моим рабом». Начиная с этого дня пленник должен был беспрекословно служить своему новому хозяину. Следует отметить глубокий нравственный эффект от такого ритуала пленения. Когда отец Ив д'Эрве спросил у одного индейца, почему тот не хочет ему служить, тот ответил: потому что он не захватил его в бою и не похлопал рукой по плечу, как того требует обычай. Немецкий канонир Ганс Штаден, о котором мы говорили выше, рассказывает, что далеко не всегда обходилось довольно гладко. Он-то точно знает, ведь ему самому пришлось долго находиться в шкуре пленника. Иногда между воинами возникал

спор по поводу того, кого следует считать настоящим хозяином пленника, захватившим его на поле боя. «Однажды двое заспорили по поводу меня. Первый индеец утверждал, что я его пленник, так как он первым похлопал меня рукой по плечу. А второй заявлял, что именно он захватил меня в плен. Они были из разных деревень, и никому из них, вполне естественно, не хотелось возвращаться домой с пустыми руками. Наконец, вождь племени, которому тоже хотелось стать моим хозяином, рассудил, что меня следует живьем доставить в деревню, чтобы меня там увидели женщины племени и смогли бы оценить по достоинству, только после этого они умертвят меня способом «кавивим пипиг», то есть они устроят праздник, для чего приготовят пьянящий напиток, а потом сожрут меня всего без остатка». Такое решение вождя всем понравилось, и мне на шею набросили четыре веревки...».

После такого первого испытания пленников вели в деревню по «тропе войны», чтобы там продемонстрировать всем своих новых рабов. Штаден рассказывает, как его вместе с другими пленниками доставили в деревню, заставляя по дороге все время танцевать и размахивать трещоткой. Перед вступлением на территорию деревни пленникам обязательно брили лбы и выбривали брови, потом все тело смазывали либо смолой, либо медом, а к туловищу прикрепляли перья. Затем наступала очередь важного события – хозяин пленника приводил его на могилу своих родственников, где он принимал участие в церемонии возрождения или посвящения, так как ему предстояло именно на этом месте принять впоследствии смерть, чем оказать честь предкам своего владельца. Но фактически смерть сразу не наступала – иногда до этого события проходило несколько лет. За это время одни индейцы относились к пленникам с любовью и заботой, а другие не выражали к ним никаких иных чувств, кроме глубокого презрения.

Штаден до сих пор остается идеальным очевидцем первого периода жизни пленника, так как ему повезло и не пришлось пережить окончательную стадию.

Когда его привели в деревню, то местные жители встретили его точно такими танцами и песнями, которые пленник увидит и услышит в еще далекий для него день принесения его в жертву. Но отношения любви-ненависти начали проявляться с первых же минут, когда к нему угрожающе приблизились индейцы с палками и такими словами: «Я нанесу тебе сильный удар и этим ударом отомщу за моего друга, убитого твоими людьми». После этого пленника, разрешив ему немного отдохнуть в гамаке, за шею потащили к вождю – это было продолжением церемонии приема, которая сопровождалась танцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.